

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**РЕЦЕПТ
КРАСИВОЙ СМЕРТИ**

Черная кошка

Николай Леонов

Рецепт красивой смерти (сборник)

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Рецепт красивой смерти (сборник) / Н. И. Леонов — «ЭКСМО»,
2019 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-100965-6

В подмосковном лесу найден труп грибника. В кармане убитого обнаружены искусственные алмазы очень высокого качества. Изготовить такие кустарным способом невозможно. Полковники МВД Гуров и Крячко выходят на крупное НИИ, занимающееся драгоценными камнями. Сыщикам кажется подозрительным, что самый перспективный специалист НИИ Владимир Захаров внезапно оказался за решеткой и, по тюремным документам, умер в заключении. Похоже, его исчезновение сфабриковано. Оперативники теряются в догадках, но только до тех пор, пока не сталкиваются с человеком, как две капли воды похожим на... покойного Захарова.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100965-6

© Леонов Н. И., 2019
© ЭКСМО, 2019

Содержание

Рецепт красивой смерти	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Леонов, Алексей Макеев

Рецепт красивой смерти

Рецепт красивой смерти

Ранним утром из потока авто, мчавшихся по подмосковному шоссе в отдаленных окрестностях города Истры (одного из подмосковных «сити» районного ранга, как и прочие его собратья, обладающего большим набором как традиционных, так и не традиционных достопримечательных «фишек», наподобие памятника водопроводчику), вырвалась потрепанная жизнью «Шкода» и остановилась на обочине трассы. Из ее кабины выскочил рослый парняга в футболке и джинсах, который стремглав побежал в сторону придорожной лесополосы. Судя по всему, не так давно выпитый им кофе (но не исключено, что и пиво), пройдя в его организме достаточно сложный путь, включающий в себя пищеварительный тракт, кровеносную систему и почки, на конечном этапе своего физиологического вояжа потребовал немедленной эвакуации во внешнюю среду.

Хозяин автомобиля, тоже выйдя на обочину, не спеша закурил, с усмешкой глядя вслед бегущему приятелю. Но его улыбка моментально сошла на нет, когда всего несколько секунд спустя его пассажир пулей вылетел из зарослей и растерянно объявил:

– Эдька, там – труп! В кустах – мужик убитый!!!

Хозяин авто, обладая куда более крепкими нервами и существенно меньшей впечатлительностью, поспешил в чащу, где среди молодого подростка кленов и осин на подстилке из старой листвы и жиденькой травы увидел распростертого на земле человека без явных признаков жизни. По внешнему виду усопший выглядел обычным бродягой, каковых, с легкой руки сотрудников органов внутренних дел годов девяностых, поименовали бомжами. Даже не будучи судмедэкспертом, на глаз можно было определить, что обнаруженное тело с жизнью рассталось не слишком давно – на его лице, перекошенном гримасой боли, признаков трупного разложения заметно не было.

– Да, Гринька, он – труп. И трупом он стал, скорее всего, принудительно... – резюмировал Эдуард.

– Эдь, давай свалим отсюда, а? – подойдя сзади, предложил Григорий. – И побыстрее! А то, чую, погорим, как шведы под Полтавой!

Тот, присвистнув, покрутил пальцем у виска:

– Рехнулся, что ли? А если его кто-то другой вскорости найдет и вызовет ментов? А те дадут объявление, что там-то и там-то найден труп, просим свидетелей откликнуться и сообщить всю возможную информацию. И? И кто-то сообщит, будь уверен! Ты же знаешь сам, что видеорегистраторы сейчас – почти в каждой машине. Так что мы, дорогуша, уже наверняка зафиксированы, и не одним им. И если мы сейчас отсюда смоемся, то в случае чего всех собак запросто могут повесить именно на нас. Хрен потом отмажешься... Гринь, в полицию звякни – у меня, матрешки-кочережки, с какого-то хрена вдруг сел аккумулятор. Что за чушня? Сроду такого не было!

– Ла-а-а-дно... – неохотно согласился Григорий.

Минут через двадцать – двадцать пять к месту обнаружения трупа примчался полицейский микроавтобус с мигалкой, следом за которым прибыл фургончик из местного морга. Старший опергруппы – крепкий усатый капитан – подробно расспросил приятелей об обстоятельствах того, как был найден неизвестный. Судмедэксперт, осмотревший труп, сразу же заявил, что смерть наступила не менее десяти-двенадцати часов назад. Ее причина – тяжелая травма, полученная предположительно в результате удара, нанесенного быстро движущимся

щимся автомобилем. Криминалист и в самом деле обнаружил на одежде потерпевшего мелкие осколки стекла автомобильной фары, разбившейся при столкновении. Похожие осколки обнаружились и на дороге.

Осмотрев фары «Шкоды», старший опергруппы с кем-то связался по рации и запросил данные камер видеонаблюдения. Его интересовали автомобили с разбитой правой фарой. Слыша этот заочный диалог, Эдуард внушительно вскинул указательный палец и вполголоса отметил:

– Усек, в чем юмор? Ща этого «Шумахера» вычислят, и отмотают ему – мама не горюй!

Казалось бы, на этом банальная история гибели бродяги в результате ДТП могла бы считаться почти завершенной, за исключением некоторых моментов. В частности, опера так и не смогли понять: каким образом потерпевший оказался в придорожных зарослях? Если он сам туда добрал, то почему и зачем туда отправился? Ведь логичнее было бы остаться у дороги – это повысило бы его шансы на то, что какая-то добрая душа вызовется ему помочь. А то, что бродяга после столкновения с автомобилем ушел в заросли сам, – сомнений не возникало. На влажноватой от вчерашнего дождя полосе вспаханной земли между обочиной трассы и лесополосой помимо отпечатков подошв ботинок приятелей, обнаруживших усопшего, имелись лишь следы обуви, принадлежащей погибшему.

Но когда опера проверили карманы одежды бомжа, то в боковом кармане его затертого и кое-где драного пиджачка нашли более десятка каких-то непонятных стекляшек округло-шаровидной формы. Пересчитав «стекляшки», каковых оказалось двенадцать, они подставили их на ладонях лучам утреннего светила и с удивлением обнаружили, как те вдруг засияли самыми разными красками – от голубого до малинового.

– Блин! Похоже, «брюлики»! Только не ограненные... – любуюсь сполохами света, предположил эксперт-криминалист. – Вот это находочка! И у кого нашли-то – в кармане какого-то бомжа! Да тут каждый камешек – целое состояние. Тут любой – от десяти до двадцати пяти каратов. Е-мое! И откуда же, хотелось бы знать, он их раздобыл?!

– О-о-о! Это задачка не для нашего отдела! – внушительно покачал головой капитан. – Надо звонить начальству. Пусть этим занимается Главк. Они на это «заточены», им и карты в руки!..

Старший оперуполномоченный Главка угрозыска полковник Лев Гуров неспешно паковал свою дорожную сумку. Со своим старым другом, сотрудником этой же «конторы» полковником Станиславом Крячко, они вчера закончили расследование убийства столичного банкира. Того несколько дней назад нашли на подмосковной вилле с простреленной головой. Изучив все обстоятельства дела, опера пришли к выводу, что потерпевшего отправили в мир иной при помощи миниатюрного радиоуправляемого БПЛА, снабженного специальным стреляющим устройством. А еще через день они задержали по подозрению в преднамеренном убийстве сотрудника того же банка, у которого потерпевший отбил жену. Восхищенный оперативностью расследования, генерал-лейтенант Петр Орлов – начальник Главка и одновременно друг и приятель обоих оперов – расщедрился на недельный отпуск, который обещал им еще как бы не с прошлого года.

И вот теперь Лев Гуров прикидывал, что с собой на «юга» брать стоит, а что и не обязательно, попутно пеняя своей жене, ведущей актрисе крупнейшего столичного театра Марии Строевой, что она на море ехать не желает. Ну, как не желает? Так-то она хотела бы, но для этого нужно поругаться на работе, поскольку ее начальство не очень-то было настроено на то, чтобы Мария выбыла из работы хотя бы на пару дней. Будучи участницей подавляющего большинства постановок, в львиной доле которых она была на первых ролях, отлучившись из театра хотя бы на день, Строева могла обрушить весь его репертуар. Если учесть, что немалая часть зрителей шла именно «на Строеву», то даже недолгое отсутствие актрисы стало бы настоящей

катастрофой – именно ее имя в афише служило гарантией успеха той или иной постановки. Кроме того, зная о приверженности Марии к подлинной, классической сценистике, зритель был уверен, что Строева ни за что и никогда не согласится играть в эпатажно-экспериментаторских постановках маргинального пошиба с заголениями актеров, их прилюдным сексом и даже отправлением естественных надобностей прямо на сцене. Эталонная интеллигентность и аристократичность Марии уже давно были притчей во языцех, и зритель не сомневался: присутствие Строевой гарантирует подлинное, высокое сценическое искусство, не замутненное грязным эпатажем и воинствующей пошлостью, что в последние годы для некоторых «продвинутых» режиссеров стало основой их «творчества». В частности, столичные театралы с некоторых пор начали обходить стороной театр «Юморильня», где усилиями его руководителя Некстатина Заиграйкина репертуар «обогатился» постановками, в которых главным были не какие-то вечные истины, а степень обнаженности актеров и нескончаемая матерщина, достойная самого дешевого кабака...

Лев это хорошо понимал и, шутливо выговаривая Марии, что якобы она, не желая ехать с ним, обрекает его на необходимость в одиночку отбиваться от назойливого внимания «русалок» причерноморских пляжей, в душе твердо знал: и театру без Марии не прожить, да и самой Марии без театра жизнь – не жизнь. Поэтому, проворчав для приличия, что в сравнении с «театральной каторгой» их со Стасом работа при всей своей замороченности – чуть ли круглогодичные каникулы, он задернул молнию на сумке и собрался позвонить приятелю, но в этот момент их городской телефон зазвонил сам.

– Стас? – понимающе улыбнулась Мария.

Но Гуров, шагнув к телефону, почему-то вдруг ощутил некоторый внутренний дискомфорт. Он поднял трубку и даже ничуть не удивился, услышав вместо Крячко голос Орлова:

– Лева, привет! Ты уже собрался?

– Собрался, собрался! И? – с оттенком сарказма подтвердил Гуров.

Шумно вздохнув, Петр откашлялся и, как бы через силу, сообщил:

– Ну, ты, надо думать, уже догадался, что случилось некое серьезное ЧП, и поэтому... Да, Лева, именно поэтому ваша со Стасом поездка на море, к сожалению, откладывается на более поздний срок. Можешь меня обругать, но – поверь! – это не мое решение. Это приказ министерства. Скажу по секрету: такое ЦУ дал САМ. А с ним, как ты понимаешь, даже мне не поспорить.

С досадливой усмешкой взглянув на донельзя разочарованную Марию (на ее лице отразилось возмущенное недоумение – «как же так?!»), Лев чуть поморщился и обронил свою обычную в подобной ситуации сентенцию:

– Вот как всегда: на ровном месте – да мордой об асфальт! Надо понимать, нам со Стасом надлежит немедленно прибыть в Главк?

– В общем-то, да... – подтвердил Орлов. – Стасу можешь не звонить – я ему звонил, он уже едет. Ладно, Лева, извини, что так вышло. Жду у себя!

Положив трубку, Гуров немного помедлил, словно никак не мог выйти из внутреннего состояния «я – отпускиник!» – и, забросив сумку в шкаф-купе, пояснил наблюдающей за ним жене:

– Разбирать не стану. Думаю, максимум через неделю мы все равно поедем. Да и ты, может быть, к тому времени сможешь составить нам компанию. А? Ладно, я в Главк!

Вскоре он уже рулил по городу, направляясь на своем сером «Пежо» в Главк угрозыска. Время близилось к обеду. По прикидкам Льва, при нормальном развитии событий они со Стасом уже должны были бы пройти регистрацию в аэропорту и в скором времени пойти на посадку. «Черное море – белый пароход, плавает и плавает уж четвертый год...» – всплыли в памяти еще невесть когда прочитанные им в одной из катаевских повестей слова одесской

песенки. Но теперь это будет не очень скоро – и море, и пароход... Теперь впору запеть: «Серая машина – черный, блин, асфальт...»

Припарковавшись у здания своей «конторы» на размеченной площадке с табличкой «Строго для сотрудников Главка!», Лев вышел из кабины, заметив стоящий в другом конце парковки «мерин» Станислава. Этому «мерседесовскому» раритету было лет около двадцати, и у себя «в фатерлянде» он уже давно пошел бы на переплавку. Но консервативный в вопросах выбора автомобилей Крячко и не мыслил расстаться со своим железным «россинантом». Когда ему случалось оказаться при «обалденных бабках» (а такое периодически происходило, как, например, после истории с поисками похищенного сына крупного бизнесмена), он отдавал своего «автодруга» в руки хороших ремонтников, и они доводили «мерина» до состояния сверкающей новизны. Последний раз «мерс» прошел автодиспансеризацию несколько лет назад и поэтому все еще смотрелся, говоря словами Стаса, «как игрушечка».

Сопровождаемый сочувственным взглядом дежурного на входе (все уже знали о том, что полковников Гурова и Крячко «обломили» с отпуском в самый последний момент), Лев прошел к кабинету Орлова. Секретарша Верочка в приемной, как всегда пригожая и оживленная, как всегда делающая десять дел одновременно (подкрашиваясь и припудриваясь, она прочитывала кучу корреспонденции, отвечала на телефонные звонки, кипятила генералу кофе и успевала сделать еще много-много всякого и разного), поздоровавшись с Львом, подарила ему уважительно-сочувственную улыбку.

Гуров вошел в генеральский кабинет со сдержанным и чуточку ироничным видом. Стас уже сидел там, и они с Петром о чем-то жарко дискутировали. Ответив на приветствие Льва, они продолжили свой спор. Как сразу же догадался Гуров, предметом их дискуссии было трудовое законодательство применительно к системе МВД. Крячко, потрясая сжатыми кулаками, яростно митинговал:

– Мы – не рабы египетские! Наши права тоже должны уважаться! Как считаешь, Лева?

– Считаю, что ты прав. Но в нашем, реальном мире, к сожалению, действует принцип: плетью обуха не перешибешь. Как это ни прискорбно, но в реальности у нас не тот, кто прав, а тот, у кого больше прав... – усмехнулся Лев. – Ну, рассказывай, мон шер дженераль, что там за внеочередной геморрой образовался?

Кивнув в ответ, Орлов откашлялся и стал рассказывать историю обнаружения невдалеке от Истры в придорожных зарослях трупа человека без определенного места жительства с пригоршней алмазов в кармане. Слушая генерала, Станислав мгновенно забыл о недавней дискуссии, ошарашенно внимая ему.

– ...Сейчас алмазы изучаются экспертами, – неспешно повествовал Петр. – Они пытаются установить их происхождение.

– Надо понимать, произошло крупное хищение на каком-то из алмазных промыслов? – поинтересовался Гуров.

– Да, основная версия – именно хищение, – подтвердил Орлов. – Мы сделали срочные запросы в наши регионы, где производится добыча алмазов. Понятное дело, прежде всего в Якутию. Запросили и Архангельск. Хотя... Есть один непонятный нюанс. Один из экспертов выразил сомнение в подлинности найденных алмазов. Да, представьте себе! Он предположил, что это настолько искусно сработанные стразы, что даже специалист с ходу не отличит их от настоящих.

– А кто конкретно проводит экспертизу алмазов? – задал свой вопрос и Крячко.

– Межведомственная экспертная лаборатория агентства по минеральным ресурсам, – сцепив пальцы рук, меланхолично обронил Петр. – Она в прямом подчинении правительства. Там работают эксперты высшего класса, к их заключениям прислушиваются и европейцы, и американцы. Кстати, их работа пока еще не завершена. Окончательные результаты будут готовы только завтра-послезавтра.

– Я-ясно... – протянул Станислав, закинув ногу на ногу. – То есть в реальности многое пока вообще еще неясно. Совершенно непонятно, откуда у бомжа взялись алмазы, как он погиб, теперь еще возникли непонятки и с подлинностью камешков. А если они и в самом деле окажутся подделкой, то тогда что, будет дан отбой и мы наконец-то отправимся на море?

– Размечтался! – Орлов отрицательно помотал головой. – В том-то все и дело, что в случае подделки мороки возникнет еще больше. Да, да! Хищение алмазов – преступление серьезное. Но не менее серьезным фактором дестабилизации экономики, и не только нашей, может стать и производство фальшивок, неотличимых от подлинников. Вы представляете, что начнется, если кто-то вдруг поставит на поток фальшивые алмазы? Рухнут рынки, затрещат экономики целых стран. А там и до глобального кризиса рукой подать. Последний финансовый кризис с чего начался? Две американские инвестиционные компании нараздавали кредитов, а деньги вернуть не сумели. И все! Началась лавина неплатежей, на биржах паника, их залихорадило, индексы рухнули, и мировая экономика затрещала по швам. В общем, мышка бежала, хвостиком махнула, «золотое яичко» финансовой стабильности – вдребезги!

– Впечатляет... – кивнув, согласился Лев и, уже «на деловой ноте», поинтересовался: – Так... И где конкретно был найден тот «алмазный» бомж? На карте можешь показать?

Подойдя к висящей на стене кабинета карте Москвы и Московской области, генерал концом авторучки указал на изгиб коричневой жилки, означающей одну из объездных дорог, ведущих к трассе на Москву. Гуров тоже подошел к карте и некоторое время разглядывал указанное место, после чего издал озадаченное «хм-м...».

– Судя по масштабу, это – километров десять от города, не ближе... – рассудил он. – И какого черта там мог делать бомж? Ходил собирать грибы? Похоже, он там оказался не просто так... Еще вопрос. Его машина сбила случайно или преднамеренно? Может быть, алмазы и стали причиной этого ДТП? Но тогда почему у него эти камни не забрали? Что-то во всем этом происшествии не просматривается никакой логики. Какая-то непонятная белиберда...

– А тех, что его сбили, найти не удалось? – спросил Станислав, тоже поднимаясь с места.

– Вроде бы машину с характерными повреждениями истринские опера выявили, но у ее владельцев обнаружилось железное алиби... – пожимая плечами, сообщил Орлов.

– «Алиби»... – повторил Лев с долей сарказма. – Организовать «железное алиби» не так уж и сложно. Ладно, деваться некуда. Будем проверять. Ну что, идем к себе? – вопросительно взглянул он на Стаса.

– Да идем уж... – сокрушенно вздохнул тот. – Будь здоров, «господин обещалкин»! – выходя из кабинета, помахал рукой Стас и изобразил Орлову гримасу дурашливой свирепости.

Тот сделал вид, что ничего не заметил. А приятели, войдя в свой кабинет, провели интенсивное блиц-обсуждение ситуации с гибелью бомжа, обладавшего алмазами, именуемое, в соответствии с новомодными веяниями, «мозговым штурмом». Плюхнувшись на свой стул, Крячко риторически спросил:

– Ну, и каким же это образом бомж вдруг заполучил целую пригоршню драгоценностей? Хоть какая-то версия на этот счет имеется?

– Какая-то – имеется... – Гуров прошелся по кабинету. – Реальнее всего, он случайно мог найти в лесу тайник контрабандистов или воров, которые кого-то обчистили, украденное спрятали в глухих местах.

– Допустим... – глядя в потолок, вальяжно кивнул Станислав. – Но что он делал вдали от города? Что, если он следил за теми, кто имел на руках некое количество алмазов и проследовал за ними от Истры до той дороги, где все и произошло?

– Крайне маловероятно! – категорически не согласился Лев. – Что воры, что контрабандисты едва ли тащились бы от Истры десять километров пешим ходом. Они гарантированно приехали бы на машине, чего у бомжа скорее всего нет и в помине.

– И что же у нас тогда вырисовывается в плане спорных моментов? – вопросительно взглянул на приятеля Крячко.

– Момент первый: кто этот бомж и почему он оказался вдали от города. Момент второй: где он был до того момента, как его сбил автомобиль...

– И главное – почему? – Стас вскинул указательный палец.

– Думаю, это произошло случайно. На мой взгляд, он был чем-то сильно напуган и бежал как полоумный, не разбирая дороги. Еще момент – откуда и для чего могли прибыть эти алмазы. Этот вопрос самый сложный. Поэтому беремся за то, что на данный момент проще: устанавливаем личность бомжа, находим тех, кто его сбил, и!.. Надо обязательно пройти по всей той округе со служебно-разыскной собакой, чтобы отследить весь его маршрут. Как распределим эти вопросы?

– Ну, как-как? – Крячко изобразил торопливый вздох. – Ну, давай я займусь личностью бомжа и теми, кто его сбил. Ну, а ты – вызывай Мухтара, и с ним – вперед, по следу. Если, конечно, это тебя устраивает.

– Устраивает вполне. Только почему вызывать нужно именно Мухтара? Когда не так давно мы расследовали дело о хищении папируса «мейд ин Атлантида», нам помогал пес Азарт.

– Как это – почему? – широко развел руками Стас. – После телесериала про Мухтара теперь всех служебных овчарок кличут Мухтарами. Даже если это Азарт. Ну, все, разбегаемся!

Съехав на обочину, шофер служебного минивэна, сержант Ромка, объявил:

– Товарищ полковник, прибыли!

Выйдя из салона, Гуров огляделся по сторонам. Со стороны Истры к ним подрулила белая «четырнадцатая» с полицейской «люстрой» на крыше. Вышедший из машины лейтенант доложил, что прибыл по поручению своего старшего опергруппы, чтобы показать представителю Главка место обнаружения трупа.

– Это далеко отсюда? – поинтересовался Лев, сделав знак рукой находящемуся в салоне кинологу Анатолию с его псом Азартом.

Те не заставили себя долго ждать и тут же выгрузились из авто. Азарт, мотнув хвостом, обнюхал щебенку, которой была посыпана обочина трассы, и, вытянув морду, принялся к ветерку, тянущему со стороны зеленой зоны.

– Нет, не далеко, метрах в двадцати отсюда, – ответил лейтенант, указывая в сторону больших осин, высившихся над молодым подростом.

– Ну, идемте, посмотрим, что там такое... – кивнул Гуров, и все трое направились в сторону зарослей.

Углубившись в недра дикой осино-клено-березовой поросли, они остановились в низко-рослой чащобке, откуда хорошо было видно то место, где и обнаружили неизвестного. Теперь о его недавнем присутствии говорили лишь примятая трава, надломленные молодые побеги деревьев и взрыхленные прошлогодние листья.

Лейтенант вкратце рассказал, в каком положении лежал усопший, что характерного в его облике он мог заметить, показал на экране смартфона фотосъемку места происшествия, а в довершение достал из кармана полиэтиленовый пакет и пояснил:

– Я вот захватил обрывок рукава его рубашки, чтобы песику легче было идентифицировать запах и взять след.

– Очень правильное решение! – одобрил Лев и, передав пакетик кинологу, скомандовал: – Начинаем!

– Товарищ полковник, – отчего-то чуть смущаясь, обратился к нему лейтенант, – а можно и мне с вами? Очень интересно посмотреть на работу кинолога и его «следопыта»... Я сам уже как-то подумывал перейти на работу в кинологическую службу. Вот только не знаю, подойду ли?

– Подойдешь! – приятельски улыбнувшись, откликнулся Анатолий. – Тут, главное, иметь терпение, уметь работать с собаками и не считаться с личным временем...

Дав собаке понюхать лоскут ткани, он коротко скомандовал: «След!» – и Азарт, обнюхав то место, где лежал труп, направился в сторону трассы. Здесь, как и следовало ожидать, след терялся. Перейдя на другую сторону шоссе (благо, здесь движение было достаточно жиденькое), пес быстро нашел след бомжа, и опера снова поспешили за ним. Спустившись по крутому скату дорожной насыпи, они углубились в лес, и теперь их путь пролегал по листовным зарослям, в основном березо-осинового состава. Лишь кое-где высились толстенные осокори, мощные дубы, а там, где были сырые низины, густыми кучами теснились вербы.

Насколько это можно было понять по тому, где именно и как конкретно прокладывал по лесу свой путь усопший, он и в самом деле был чем-то крайне напуган и бежал, как заяц от хищника, одержимый одной-единственной целью – спастись! Спасти во что бы то ни стало! Хотя, судя по отсутствию чьих-то еще следов, за ним никто не гнался. Тогда возникал вопрос: что же его так сильно напугало? Может быть, он стал случайным свидетелем какого-то очень серьезного происшествия? Впрочем, впрочем... Сколь серьезным ни было то происшествие, свидетелем которого он стал, сколь сильно он ни был напуган, тем не менее схватить откуда-то горсть алмазов не побоялся.

А Азарт все бежал и бежал по лесу, петляя между деревьями, огибая рытвины и ямы, продираясь через кусты. Примерно километров через пять пути он спустился в широкую лесистую балку, на дне которой обнаружилась просторная, поросшая высокой травой поляна. И вот здесь-то кое-что сразу же получило свое объяснение. В центре поляны, к которой через лес вела еле приметная дорога, стоял обгоревший кузов, судя по форме, дорогой модели «Форда». Похоже было на то, что сгорел он совсем недавно – из некоторых кузовных полостей все еще тянулись струйки синевато-черного дыма. Подойдя к авто, опера заглянули внутрь и увидели там обгорелые останки двух человек.

Дальнейший осмотр, при участии Азарта, показал, что след бомжа вел к «Форду», а от автомобиля – к противоположному концу поляны, к куртине густых зарослей ивы. Подойдя к зарослям, Гуров увидел валяющиеся в траве две большие ивовые корзины с грибами и самодельный нож из куска косы. Трава здесь была истоптана основательно, и это давало основание считать, что бомж стоял в ивовых кустах достаточно долго, наблюдая за происходящим на поляне. А сюда он пришел с другого края балки.

Теперь Лев был уверен, что бомж оказался здесь совершенно случайно, ходя по лесу в поисках грибов. Он увидел машину и стал наблюдать за находящимися в ее салоне. Правда, следовало иметь в виду, что у иномарки могли быть плотно тонированные окна. Но вот что совершенно точно – именно у находящихся в «Форде» имелось некое количество алмазов. И именно из машины он их умыкнул. Но каким образом и в какой момент? Что произошло с теми, кто сидел в машине? Ведь наверняка, имея они возможность трезво оценивать обстановку, бомжу никак не позволили бы заграбастать свое богатство. А если он был вооружен? Если он их – пиф-паф, забрал алмазы, поджег машину и – ходу?! Правдоподобно, но концы все же не вяжутся...

Поразмыслив, Лев решил обойти поляну. И тут, почти сразу же, в траве он вдруг обнаружил следы чьих-то ног и примятые стебли цикория, словно на них кто-то упал. Более того, на листьях подорожника, разросшегося в нижнем ярусе травяных «джунглей», виднелись капли крови. То есть получалось так, что здесь был еще один человек, которого или ранили, или убили. Теперь стало окончательно ясно, что в этой балке, скорее всего минувшим днем или вечером, произошло убийство нескольких человек. Гуров достал телефон и набрал номер Орлова. Тот откликнулся сразу же, словно ждал этого звонка:

– Да, Лева, слушаю, что там у тебя?

Известие о том, что найдены еще два трупа, что есть вероятность найти еще несколько убитых, ошарашило генерала до предела. От неожиданности даже закашлявшись, Орлов собрался и объявил Льву, что изучение происшествия в балке нужно провести как можно тщательнее, в связи с чем к ним на подмогу вертолетом будет выслана усиленная опергруппа.

– Да, вижу, дело принимает очень серьезный оборот... – констатировал он. – Постоянно держи меня в курсе дела. До связи!

Изучая следы на поляне и вокруг нее, Гуров обнаружил еще два пяточка примятой травы, с характерными признаками того, что там тоже были ранены или убиты какие-то люди. И там, и там трава была примята и надломлена тяжестью упавших на нее тел, и там, и там были заметны следы крови, причем куда более обильные, чем в первом случае. В одном из мест под примятой травой Лев обнаружил лужицу давно застывшей, уже начавшей чернеть крови. Кроме того, будучи хорошим следопытом, он установил, что этих троих, которых то ли ранили, то ли убили, какие-то двое неизвестных поочередно унесли с поляны к лесной дороге. Там, в гуще леса, он обнаружил старую, едва приметную колею заброшенной дороги, на которой отпечатался протектор, скорее всего, «Нивы-Шевроле». Это означало, что тела этих троих могли унести их сообщники.

Напряженно анализируя и сопоставляя мозаику только что полученных фактов, Лев вновь начал выстраивать уже обновленную версию. Итак, причина всего случившегося – алмазы. Они откуда-то взялись, ими кто-то владел. Судя по логике вероятного хода событий, ими владели те двое, что сгорели в машине. Вполне возможно, здесь, в балке, намечалась продажа партии предположительно искусственных алмазов. Покупателями, вполне возможно, выступали те трое, тела которых увезли. Но что-то произошло, случился какой-то форс-мажор: то ли не сошлись в цене, то ли покупатели изначально не собирались покупать, заведомо планировали убить продавцов и завладеть их товаром.

Допустим, так все и было. Продавцы и покупатели перессорились, схватились за оружие и положили друг друга. Ну-у-у... Как-то этот момент не очень вписывается в реальную картину события подобного рода, хотя теоретически такое возможно. Произошла перестрелка, этих пятерых убили. Бомж, который собирал грибы и стал случайным свидетелем перестрелки, подбежал к машине. Увидев алмазы, схватил, сколько уместилось в горсть (или, говоря по-народному, в жменя), сунул их в карман и убежал...

Стоп! Опять не вяжется! Кто бы это держал алмазы открытыми? Наверняка они хранились в бронекейсе с кодовым замком. Кстати, что-то похожее в кабине наблюдается. Но открыть кейс продавец мог только для того, чтобы показать их покупателю. А расстановка действующих фигур этой уголовной драмы совсем не характерна для торговой сделки. Тогда... Тогда, выходит, в сгоревшем автомобиле сидели покупатель и продавец. А те трое – то ли случайно обнаружившие их отморозки, то ли заранее знавшие об этой сделке и пришедшие их ограбить налетчики. Да! Тут логика, можно сказать, железная.

Эти трое напали внезапно, одного из сидящих в машине убили сразу, но второго успели только ранить, хотя и смертельно. Например, прострелив крупную артерию. А потерпевший, оказавшись отличным стрелком, единым махом положил всех троих. Вот! Именно так оно и было. Потом к машине подбежал бомж, из раскрытого кейса взял алмазы и пустился наутек. В это время прибыли сообщники грабителей. Они унесли их тела к «Ниве-Шевроле», забрали себе драгоценности, деньги и подожгли «Форд», чтобы замести следы...

Размышления Гурова прервал звук вертолетного мотора. Подняв голову, он увидел показавшийся из-за верхушек деревьев «камовский» вертолет с полицейской раскраской. Немного покружившись над балкой, винтокрылая машина опустилась на небольшую полянку в стороне от места происшествия. Из кабины вертолета выгрузилось человек шесть всевозможных экспертов, во главе с главковским судмедэкспертом Дроздовым. И работа закипела. Криминалисты прошарили каждый квадратный метр территории, обнаружив в траве более десятка стре-

ляных гильз от «ПМ» и «ТТ». Много интересного было найдено и в сгоревшем авто. Прежде всего, полностью оправдалась догадка Льва о наличии бронекейса с кодовым замком. Капитан Девятов, эксперт по замкам, запорам, сейфам и прочим устройствам подобного рода, сообщил, что на момент возгорания кейс был открыт естественным образом, без взлома запорного устройства.

Обнаружили стреляные гильзы и в «Форде». Их было всего три, и, по мнению эксперта по оружию, принадлежали они бельгийскому «глоку». Судя по их расположению, стрелял пассажир этой машины, причем вести огонь ему пришлось, обернувшись назад. Это означало, что нападение грабителей было внезапным, и оно сопровождалось плотным пистолетным огнем. Вскоре метрах в ста от сгоревшего «Форда» в густой чащобе был найден хорошо замаскированный (рядом пройдешь – не заметишь!) зеленый «Ситроен».

Дроздов, как всегда флегматичный и отстраненный от всего сущего, меланхолично обследовал обгоревшие трупы, взял пробы крови в тех местах, где были убиты (или ранены?) трое налетчиков. За это время кинолог Анатолий по собственной инициативе прошел с Азартом по следу бомжа, который привел его к все той же дороге на Истру. Отсюда можно было сделать вывод, что бомж и в самом деле пришел сюда по грибы, а не с какими-то иными целями. Видимо, какая-то добрая душа на своей машине довезла его до этого леса, где он, как видно, промышлял сбором грибов уже не раз. А что? Это куда лучше и престижнее, чем шарить по мусорным бакам. А грибов здесь действительно очень много. Гуров обратил на это внимание, еще когда они бежали к этой балке от трассы по следу бомжа. Помимо не самых престижных рядовок и говорушек, в лесу то и дело встречались подосиновики, подберезовики, поддубовики, а кое-где и короли грибного мира – боровики.

Обнаруженный «Ситроен» имел московские номера, оперативно «пробив» которые, информационщикам удалось выяснить, что хозяином этого авто числится некий восьмидесятилетний пенсионер Федор Максимович Шуркин, проживающий в Королеве. Чего-то интересного в плане криминалистики, дающего пищу для размышлений, в машине найти не удалось. В багажнике лежал электрический насос, винтовой домкрат, пластмассовый ящик с ключами, запасные лампы для фар, новенький, еще в упаковке, воздушный фильтр, средства ухода за кузовом и салоном авто. В водительском «бардачке» лежала гелевая авторучка, блокнотик с записями, скорее всего километража и дат замены фильтров, масла и тому подобного. Имелось несколько мелких лампочек и записка, написанная женской рукой: «Котик, встретимся, как всегда, на том же месте. Твоя любящая Дю».

Последнее очень заинтересовало Льва. Поскольку реальных зацепок для того, чтобы установить личность хозяина «Ситроена», не имелось вообще (каких-то документов, справок, квитанций), то эта маловразумительная записка давала надежду на возможность выжать из нее хоть что-то реальное. Сгоревший «Форд», судя по госномеру, стоял на учете в Белоруссии. Еще до прибытия опергруппы Гуров созвонился с информотделом Главка и передал данные номера майору Жаворонкову, поручив ему выжать из них максимум информации. Тот пообещал провести все необходимые выяснения в максимально короткие сроки, однако пока что так и не позвонил.

Работа криминалистов на поляне затянулась более чем на два часа. Затем лесными дорогами до балки неведомым образом сумели добраться автоэвакуаторы, санитарный фургон истринского морга, и поляна вскоре опустела. Бригада криминалистов улетела на вертолете. Гуров, кинолог Анатолий и лейтенант из Истры пешком пошли от балки к шоссе, до которого было всего каких-то полтора километра...

Вернувшись в Главк, Лев первым делом зашел к Орлову. Почти сразу же следом за ним примчался и Станислав. Потирая переносицу, Петр устало спросил:

– Ну, бесценные мои, что у нас на данный момент? Заранее отмечу, что из громкого это дело постепенно трансформируется в оглушительно громкое. Мне уже каждые полчаса начали

названивать из министерства. А им туда, как мне уже негласно сообщили, названивают и из Интерпола, и из всяких заграничных полицейских управлений и финансовых контор...

– Это – хреново! – категорично определил Гуров. – Чем громче будет шумиха, тем ниже шансы на раскрытие этого дела. Нужно с этим кончать. Прежде всего, никаких интервью и нашим, и не нашим СМИ.

– Ну, ты скажешь! – качая головой, грустно рассмеялся Орлов. – Как это – «никаких интервью»? Да нас тут же на страницах газет и в телеэфире линчуют!

– Не линчуют. То, что уже известно, долдонь им сколько влезет. А дальше – ни на шаг, ни на мизинец, никакой информации. А то получится, как в девяностые, когда гласность и открытость доходили до запредельного идиотизма. Как можно было допустить такое, чтобы в ходе операции по задержанию особо опасной банды репортаж об этом давался в прямой эфир?! Помнишь? Получалось так, что бандитов оперативно снабжали информацией обо всем, что проводили силовики. И они, понятное дело, соответственным образом тут же на это реагировали. Сколько из-за этой дебилистики хороших ребят ни за что погибло! Того, кто такое разрешил, я бы считал или полным кретинком, или откровенным предателем. Так что СМИ нам не указ. У них свои интересы, у нас – свои.

– Хорошо, с этим я полностью согласен, – кисло поморщился генерал. – Но как на практике будем крутиться, чтобы и СМИ были сыты, и информация цела?

– Да общими словами отделяться, и все! – Стас энергично тряхнул крепко сжатым кулаком. – Кстати, ко мне только что подкатывали какие-то телевизионщики. Я к крыльцу подхожу – стоят. С ходу суют мне микрофон под нос, и тут же куча вопросов: что вы думаете про ситуацию с алмазами, найденными у кем-то убитого бомжа? Я им в ответ: «А кто вам сказал, что этот человек – бомж? С чего вы взяли, что у него оказались именно алмазы? С какой стати кто-то решил, что его убили?» Они от неожиданности тут же «выпали в осадок». Пока собрались с мыслями, я – на крыльцо и – был таков!

– Хорошо, хорошо, попробуем отделяться общими словами... – Орлов изобразил мученическую гримасу. – А пока что давайте-ка обсудим ситуацию как она есть. Лева, слушаю!

Гуров кивнул и без особых эмоций, словно обсуждал прогноз погоды, с ходу начал:

– Дело это, конечно, очень и очень непростое. Можно даже сказать, что это – задача со многими неизвестными...

Он изложил свою последнюю версию происшедшего в лесной балке и высказал некоторые соображения по этому поводу:

– Судя по тому, что сгоревший «Форд» принадлежит гражданину Белоруссии, следует думать, что кое-какие концы тянутся именно в ту сторону. Но не в саму Белоруссию. Там органы внутренних дел и спецслужбы работают достаточно четко, поэтому маловероятно, чтобы ее территория стала плацдармом для каких-либо махинаций с алмазами, пусть даже и искусственными. В этом контексте больше всего вопросов у меня вызывают нынешняя Украина, Прибалтика да и Польша тоже.

– Ну, а на твой взгляд, – вскинул указательный палец Орлов, – алмазы к нам ввезли или, наоборот, собирались вывезти?

– Я предполагаю – всего лишь только предполагаю! – что их к нам ввезли, – пожал плечами Лев. – Но не исключаю и того, что произведены они – если верить тому, что они искусственные, – здесь, в России. Ввоз или вывоз – это нам нужно будет определить в ближайшее время. И направление того, куда адресовались алмазы, будет зависеть от того, в каких целях их предполагалось использовать.

– Ясно... Что еще? – вопросительно взглянул на него Орлов.

– Если в базах – нашей, ФСИН и других служб – есть информация о генетике тех, кто был убит или ранен в балке во время перестрелки, то у нас появляется шанс ускорить выяснение того, откуда взялись алмазы и куда предназначались. Я думаю, что налетчики каким-

то образом узнали о том, что в лесной балке должна будет произойти сделка по купле-продаже драгоценностей, и поэтому устроили там засаду. И последнее. Надо переговорить с теми, кто близок к производству искусственных алмазов. Возможно, они знают людей, кто мог бы заняться этим в частном порядке.

– Да, это верно... – согласился Петр. – Стас, что у тебя?

Тот, рассмеявшись, безнадежно махнул рукой:

– Ну, выяснить-то я все выяснил, что планировал, но на фоне той феерии фактов, которыми блеснул Лева, эта информация едва ли окажется полезной. Короче, так...

Крячко первым делом встретился с судмедэкспертом Дроздовым и уточнил диагноз, который тот поставил по результатам обследования безжизненного тела бомжа. Дроздов подтвердил, что причиной смерти стала сильнейшая травма, полученная этим человеком в результате удара, нанесенного машиной. У бедолаги оказались переломанными ребра и разорвана селезенка (собственно говоря, это и стало непосредственной причиной наступления смерти вследствие внутрибрюшинного кровотечения). После этого Станислав связался с гаишниками, и те, поднатужившись, разыскали-таки авто подозреваемых в столкновении с пешеходом.

Владелец «девятки», которая и имела несчастье на полном ходу соприкоснуться с бежавшим через дорогу бездомным «алмазоносцем», долго отказывался общаться с опером без своего адвоката. Но когда понял, что «вешать собак» на него никто не собирается, рассказал-таки о том, что же случилось. По словам хозяина «девятки», который назвался Алексеем, вчера они с женой ездили в Истру к ее матери. Хотя у Алексея с тещей, мягко говоря, изначально были весьма непростые отношения, тем не менее встреча прошла вполне приемлемо, без каких-либо трений, даже, можно сказать, доброжелательно, пока не случилось досадного сбоя. Теща Алексея, как видно, решив «блеснуть опереньем», надела не так давно купленные серьги с изумрудами. Но потом они отчего-то стали ее тяготить, и она сняла украшения, положив в шкатулку на столе. А когда решила надеть снова... сережек в шкатулке не оказалось!

Само собой разумеется, все подозрения пали на зятя (а кого же еще можно заподозрить?!). Теща, не углубляясь в разбирательства, разразилась обличительной речью, причем не стесняясь в выражениях. Алексей, оскорбившись услышанным, тоже сказал ей «пару ласковых» и объявил, что они с женой немедленно уезжают домой. И они уехали, сопровождаемые «напутствием» хозяйки дома:

– Проваливайте, и чтобы духу вашего тут больше не было!

Понятное дело, Алексей ехал домой весь на нервах, правда, как он уверял, скорость движения выдерживал в пределах девяноста. Впрочем, по его словам, в той ситуации, когда неизвестный выскочил из кустов, словно заяц, спасающийся бегством от голодного волка, среагировать не успел бы даже тот, кто был в нормальном расположении духа.

Кроме того, получилось так, что прямо перед тем местом, где произошло столкновение, какой-то дальнобойщик остановился на правой полосе дороги с включенной «аварийкой», поэтому Алексею пришлось объезжать фуру по встречной полосе. Здесь скорость снизилась до семидесяти. Но появление мужчины было невероятно стремительным, и поэтому Алексей едва успел ударить по педали тормоза. Именно это и смягчило удар, поскольку в любом другом случае неизвестный погиб бы на месте. Но он, кувыркнувшись на асфальте, тут же вскочил на ноги и, согнувшись крючком, перебежал дорогу и скрылся в придорожной зелени.

– И что мне нужно было делать в такой ситуации? – Алексей недоуменно развел руками. – Звонить гаишникам: приезжайте, я сбил человека? Только где он, этот человек? Был и – исчез! Ну, не бегать же мне за ним по лесу?! Я вырулил на свою полосу, вышел из машины, осмотрелся. А его и след простыл. Вижу – фара у меня разбита, облицовка помятая... «Камазист» еще, помню, выглянул из кабины и спросил: «Он что, этот придурок, убежал? Что за debil?...» Ну, а свои слова могу подтвердить записью видеорежистратора. Там хорошо видно, что этот тип выскочил как ошпаренный и я среагировал только в самый последний момент...

Просмотрев видеозапись и убедившись в правоте слов автомобилиста, Крячко попросился и, уже уходя, спросил:

– А тещины серьги так и не нашлись?

Алексей в ответ саркастично рассмеялся и рассказал, что, когда они уже подъезжали к Москве, та неожиданно позвонила на телефон его жены и, конфузливо откашливаясь, сообщила, что, оказывается, серьги сама «на автопилоте» положила в сервант, в один из фужеров...

Сразу же после этого Станислав продолжил свои изыскания в плане установления личности бомжа. Дав посмертные фото умершего и данные его дактилоскопии информационщикам, он попросил их проверить личные данные этого человека по всем возможным базам, а сам, пока, как говорится, суд да дело, решил сгонять в Истру, чтобы там, на месте, поискать интересующую информацию. И его поездка оказалась вполне успешной. Разумеется, разыскать тех, кто знал бы асоциального типа без определенного места жительства в городе с тридцатитысячным населением, дело весьма непростое. Но, обратившись к своим коллегам за помощью, Крячко на удивление быстро смог найти нужного ему человека. Им оказался один из истринских участковых, который представился как Николай. Лишь взглянув на фото, он удивленно резюмировал:

– О, да это же Прохор Жандармов!

– Жандармов – это кличка? – уточнил Станислав.

– Нет, его настоящая фамилия, – продолжая разглядывать снимок, пояснил Николай. – Хотя местные босяки его кличут именно Жандарм...

По словам участкового, Жандармов из коренных истринчан. В общем и целом мужик он неплохой, но в своей жизни наделал немало глупостей, из-за чего и скатился на самое дно. Когда-то у него была семья, хорошая работа (Прохор по специальности электрик, сварщик, слесарь и вообще – мастер на все руки), но в общеизвестные «лихие девяностые», чтобы выжить, ему пришлось ехать на заработки в Сибирь. И, что интересно, работать он устроился в Мирном, где занимался добычей алмазов. Отработал там лет пять, все шло замечательно, но однажды Жандармов узнал о том, что его семья распалась. Жена, не выдержав многомесячной разлуки, подала на развод и с детьми уехала к матери. Прохор после этого запил, потерял работу, несколько лет скитался по городам Сибири.

Вернувшись в Истру, он сошелся с какой-то женщиной и перебивался случайными заработками. Летом собирал грибы – в этом ему равных не было, ловил рыбу, зимой «калымил» по части электрики, каких-то иных разовых работ. За свои труды предпочитал брать «жидкой валютой». Но с некоторых пор к нему стали обращаться и по иным, весьма специфическим вопросам.

Как-то раз, проходя по улице, Жандармов увидел одну состоятельную даму, которая выходила из своего шикарного авто. Лишь раз взглянув на украшение из «брюликов», которое охватывало ее далеко не худенькую шею, он на ходу обронил:

– А брюлики-то не природные, синтетика...

Ошарашенная тем, что какой-то бродяга смеет судить о подлинности ее украшений, дама, не стесняясь в выражениях, во весь голос объявила ему об этом. Проигнорировав и слова, и эмоции, Жандармов, даже не оглянувшись, продолжил свой путь. А дама, с того момента потеряв всякий покой, начала усиленно искать и нашла-таки достойного доверия ювелира, который подтвердил сказанное Прохором: ее украшение не из природных бриллиантов, а из искусственных, произведенных на специальной установке.

Закипев, как перегретый самовар, дама пошла в атаку на своего мужа – что ж ты так низко меня ценишь, если под видом бриллиантов подарил подделку?! Тот немедленно напустился на магазин ювелирных украшений, где и было куплено кольцо. Учитывая тот факт, что данный гражданин в своем городе был персоной достаточно заметного ранга, директор магазина, изрядно струхнув, пообещал, что немедленно со всеми заморочками разберется и при-

мет все необходимые меры. Он тоже нашел опытного, знающего свое дело ювелира, который просмотрел все его коллекции украшений и выявил среди них около десятка тех, которые, при всем своем сиянии и блеске, никак не могли считаться природными.

Известие о том, что в торговле под видом подлинных бриллиантов появились искусственные, взбудоражило ту часть населения, которую заботил не жидковатый суп, а мелковатый жемчуг. Немалая часть состоятельных дам тоже начала придирчиво осматривать свои драгоценности – а вдруг не натуральные?! Но, поскольку «брюлики» на их перстнях, серьгах и колье отвечали всем параметрам, свойственным природному алмазу (царапали стекло, светились в лучах кварцевой лампы голубым и фиолетовым цветом, а в рентгеновских лучах – насыщенно-зеленым), то главным экспертом по части определения подлинности камешков стал не кто иной, как Жандармов.

Происходило это не самым затейливым образом. Ему звонили на сотовый, и он приходил в условленное место. Чаще всего такие «деловые свидания» ему назначались у памятника водопроводчику. К Жандармову, неспешно покуривающему беломоровский «цыбарик» (ничего другого из табачных изделий кроме «Беломорканала» он не признавал), как бы случайно прогуливаясь, подруливала очередная гражданка в бриллиантах, и он, окинув их своим на тот момент трезвым оком, давал однозначное заключение: «Брюлик!» Или, если бриллианты вызывали сомнение, изрекал: «Синтетика...»

Всякий иной на его месте уже давно сделал бы на своих способностях весьма прибыльный бизнес, а Жандармов за свои экспертные оценки брал только в «жидкой валюте», предпочитая «Столичную». Больше одной экспертизы в день он не проводил, поскольку после употребления сорокаградусного «гонорара» внутрь его глаз уже был вовсе «не алмаз». Ну, а в те дни, когда с клиентурой были напряги, он отправлялся по грибы и уже ближе к вечеру имел «ликвидные активы», которые использовал для бартера на все ту же «Столичную».

– Вот, примерно такая история... – завершил Крячко свое повествование.

– Получается, что к перестрелке в лесной балке он прямого отношения не имеет? – уточнил Орлов.

– Думаю, что да... – уверенно подтвердил Стас.

– Хм-м... – В голосе Гурова, напротив, прозвучала нотка сомнения. – Я не очень верю в абсолютные случайности и непреднамеренные совпадения. Тут стоило бы покопать поглубже... – резюмировал он.

И Петр, и Крячко разом выжидающе взглянули на него, как бы ожидая неких откровений. Но их не последовало. Чуть усмехнувшись, Лев пояснил, что его чутье исподволь подсказывает, что не все так просто в этой истории.

– Тут у меня, как у того жителя Севера из старого анекдота. Его сосед пошел на охоту, а он ему вслед смотрит и говорит своей жене: «Однако, сегодня он ничего не добудет!» Жена: «Тебе это подсказали духи?» Он: «Нет, сам сообразил, когда увидел, что он забыл дома не только лыжи, но и ружье с патронами! Интуиция, однако!»

Рассеянно улыбнувшись, Орлов потер пальцами ухо и поинтересовался:

– Считаешь, что об этом Жандармове надо бы собрать более подробную информацию?

– Неплохо было бы встретиться с его сожительницей, выяснить круг его знакомств. Тем более что в определенных кругах он был достаточно известен.

Выслушав Гурова, Станислав покрутил головой и категорично возразил:

– Лева, по-моему, тут ты совершенно не прав. Мне думается, что ты пытаешься притянуть факты за уши к пустому месту. А если со мной в корне не согласен, то съезди сам, посмотри, что там и как. Кстати, я памятник водопроводчику видел – ничего так смотрится. Даже потер нос его собаке.

– Там и собака есть? – удивился Орлов.

– Да, тоже отлитая из бронзы. Местные утверждают, что если ей потереть нос, то обязательно повезет!

– Ага! Догадываюсь! Ты загадал, чтобы судьба послала тебе ускоренное раскрытие дела и немедленное отбытие на черноморские пляжи, где тебя уже заждались тамошние русалочки? – иронично рассмеялся Лев.

– Д-да! Представь себе – именно это я и загадал! – Крячко цокнул языком и широко развел руками. – А ты туда не хочешь? Хотя... Может быть, действительно не хочешь. Ну, раз там не будет Марии, то для тебя это уже и отдых – не отдых.

– Мужики, отпускную тему пока закрываем! – хлопнул ладонью по столу Орлов. – Какие планы на завтра?

Лев устало, с оттенком сарказма усмехнулся и, загибая пальцы, начал перечислять:

– Ой, как много нужно-то выяснить! Во что бы то ни стало установить личности продавца и покупателя алмазов, установить личности налетчиков, выжать все возможное из информации об автомобилях. Их у нас два – один стоит на учете в России, другой в Белоруссии. И скорее всего белорусский тоже числится на каком-нибудь пенсионере лет девяноста. Но их обоих, этих «зиц-хозяев», надо будет разыскать и взять у них хоть какую-то информацию о реальных хозяевах машин. Но этим, я думаю, загрузим информационщиков. А еще нам нужно будет разыскать всех, кто имеет отношение к производству искусственных алмазов, и попробовать через них определить, кто, где и каким образом мог бы наладить что-то подобное. Дураку ведь понятно, что создать искусственный алмаз – это не горшок слепить. Хотя и гончарное дело – штука непростая. А тут вообще нужны невесть какие технологии! А оборудование?! Так что, пока не настал вечер, определимся с кругом источников информации, и – по коням, как говорится.

– Да, согласен, – задача крайне сложная... – покачал головой генерал. – Но... Деваться некуда – мы тут крайние. И у нас только один выход – разгрызть этот «орешек». Давайте, мужики, поднажмите! Будем на связи!

Вернувшись в свой кабинет, Гуров включил компьютер и, набрав в поисковой системе запрос «Производство искусственных алмазов в России», углубился в изучение статей. Стас, немного походив по кабинету, объявил, что, для того чтобы «лазить в дебрях Интернета», достаточно и одного Льва, а он остаток этого дня лучше посвятит реальному делу – сгоняет в Королев и разыщет там формального владельца «Ситроена».

– А что? Тоже верно... – на мгновение оторвавшись от монитора, одобрил Лев. – Если мне удастся накопать какую-нибудь информацию, я тебе позвоню, чтобы нам завтра сюда не мотаться, а прямо из дому ехать по конкретным адресам.

Беззаботно насвистывая, Станислав вышел из кабинета, а Лев снова с головой ушел в материалы, посвященные искусственным алмазам. К его удивлению, производство этого типа драгоценных камней в мире было очень широко распространено и с каждым годом увеличивалось. В частности, он узнал о том, что лет через пятнадцать производство синтетических алмазов достигнет уровня добычи природных. А в перспективе добыча природных может стать вообще нерентабельной. Впрочем, как явствовало из интернет-материалов, львиная доля искусственных алмазов (кстати, некоторые типы таких камней по твердости превосходят природные алмазы) используется для технических целей – и для изготовления режущего и шлифовочного инструмента, и в оптике, и в электронике, и во многих других сферах и областях. А вот в ювелирном деле пока доминируют природные алмазы. Искусственных задействовано всего два-три процента.

«Ага, с учетом того, сколько на самом деле бриллиантового «левака», дело пахнет не двумя-тремя, а десятью, а то и двадцатью процентами...» – мысленно возразил Лев.

Из очередного материала он узнал, что и «Де Бирс», и наша «Алроса» большое внимание уделяют вопросам идентификации искусственных и природных алмазов. Как оказалось, их и в

самом деле отличить довольно-таки непросто. А с учетом того, что синтетические алмазы процентов на десять, а то и двадцать дешевле природных (что в деньгах может выражаться цифрами со многими нулями), соблазн производителей «ювелирки» подменить природные камни искусственными может быть очень велик.

Нашелся и материал, который сразу вызвал у Льва чувство отторжения. Это был перевод на русский статьи одного западноевропейского издания. Скорее всего, он имел характер рекламного, хотя пометки «PR» (на правах рекламы) при нем не имелось. Суть этого сообщения сводилась к тому, что сейчас на Западе все большую популярность приобретает такая «фишка», как изготовление алмазов из кремационного праха умерших людей. Ну, вроде того, что это особо изысканная форма сохранения памяти об ушедших близких людях. Приводилось даже интервью с неким голливудским «звездун» – Майклом Тьюздингом, который заказал себе бриллиант из праха кремированного тела своей матери.

«...Теперь, – уверял «звездун», – я ношу этот камень с собой, встроенным в перстень. Это – не просто украшение, это мой как бы талисман. Когда у меня в жизни случаются трудности и возникают проблемы, я подношу его ко лбу, и в этот момент мне кажется, что я слышу голос матери, которая дает мне свой совет. Однажды я был на бегах, и она подсказала мне, на какую лошадь нужно ставить. И благодаря совету моей матушки я смог выиграть кучу денег!..»

Прочтя этот пассаж, Гуров лишь саркастично усмехнулся – Запад везде и во всем остается верен себе. Там все, даже самое сокровенное (память о близких), переводится в пошло-вавто-вульгарную плоскость прибыли. В чем-то этот подход к памяти близких напоминал другое «нововведение» западных прагматиков. Как-то Льву довелось найти в Интернете материал, посвященный такому немыслимому для православного человека способу «погребения» близких, как сожжение их тел, и не где-нибудь, а в городской котельной. Автор материала с упоением члена людоедского племени Мумбо-Юмбо живописал о том, сколь «прогрессивна» эта метода. По его словам, помимо того, что тело умершего послужит интересам общества, добавив при сгорании килокалорий в теплоноситель для обогрева жилищ, так еще и «скорбящее» по своему умершему родителю чадо получит за него некоторую сумму денег, как за топливо печи...

«Ну и уро-о-ды! – знобко передернул плечами Лев. – Эта их «прогрессивная методика» ничем не отличается от пещерного каннибализма, когда умершего попросту съедали. И нам это гнуснейшее безобразие они пытаются преподнести как что-то «ультрасовременное», «ультрапередовое»?! Как сказал бы Стас, козлы, они и есть – козлы...»

Углубившись в тонкости технологии производства алмазов (всего он насчитал пять или шесть способов), Гуров прочел, что на создание искусственного алмаза каратов на тридцать у производителей уходит около трехсот часов – более десяти суток. На сегодня алмазы «бодяжат» и американцы, и европейцы, и китайцы, и японцы. В России производством искусственных алмазов занимаются в трех местах – в Троицке, Сестрорецке и Новосибирске. В Москве имеется НИИ «Алмаз», где проводятся широкомасштабные работы по синтезу искусственных алмазов, разрабатываются новые инструменты на основе этого супертвердого минерала, изучаются различные сферы применения как природных, так и искусственных алмазов. Есть и Институт минералогии, где работают с самым широким кругом драгоценных камней, изучая новые способы их добычи, огранки, использования в технике.

Найдя контактные телефоны этих научных учреждений, он позвонил в НИИ «Алмаз». Женский голос на том конце провода сообщил, что сотрудники интересующего его профиля уже разошлись по домам и будут завтра утром в девять. То же самое ответили и в Институте минералогии. Положив трубку, Лев задумался. С учетом того, что он только что узнал из Интернета о производстве искусственных алмазов, его несколько удивила достаточно резкая реакция определенных структур, как внутри России, так и вне ее, на ситуацию с синтетиче-

скими алмазами непонятного происхождения и не менее непонятной принадлежности, обнаруженными в Подмосковье.

То, что эти камешки – предмет контрабанды, и без пояснений было яснее ясного. Правда, еще предстояло выяснить немаловажный момент: это была контрабанда к нам или кем-то готовилась контрабанда к «ним»? Например, если бы была задержана партия фальшивых долларов или евро, то тогда было бы вполне объяснимо и понятно, для чего именно их со Стасом сорвали с отпуска и бросили на эту «амбразуру». А вот искусственные алмазы, которых и так уже производится в мире сотни тысяч, если не миллионы, тут-то чего, грубо говоря, кипишиться?!

«Ладно, – устало вздохнул он, поднимаясь из-за стола, – завтра разберемся, что тут за заморочки и с чего это вдруг все так занервничали...»

Когда Лев уже закрывал дверь кабинета, зазвонил его сотовый. Это был Стас. Он рассказал, что нашел-таки Федора Шуркина, на которого был оформлен «Ситроен», но поговорить с ним не удалось. У старика на днях случился инсульт, и он лежал в своей районной больнице. Его супруга, по понятным причинам не настроенная на разговоры, только лишь и смогла сказать, что года два назад к ним приходил до той поры незнакомый им мужчина, который представлялся знакомым их знакомого. Вот он-то за хорошие деньги и уговорил старика оформить на себя иномарку. Как зовут незнакомца, она забыла, а знакомый, который прислал его к Шуркиным, этой весной умер после укуса клеща. Эта «ниточка», был убежден Станислав, оказалась, по сути, начисто оборванной.

– Ну, это ты зря... Ничего подобного! – невозмутимо возразил Лев и тут же пояснил: – Этот «Ситроен», даже если им кто-то пользуется по генеральной доверенности, обязательно должен иметь полис ОСАГО. А в нем имеется информация обо всех, кто ездит на этом авто. Я сейчас дам задание информационщикам, и завтра мы будем знать все, что нам необходимо.

– Тьфу ты, блин! – конфузливо крикнул Стас. – Что-то я затупил, и не хило... Да, Лева, ты прав – хоть ОСАГО, хоть КАСКО такую информацию в себе содержат. Как же я про это забыл? Похоже, старею...

– А по-моему, просто у нас давно уже не было выходных и отпусков. Я себя тоже то и дело ловлю на всяких «затупизмах», – огорченно вздохнул Гуров.

– Лева, но тогда выходит, что к деду Шуркину ездить какой-то необходимости не было вообще?

– Думаю, встретиться с ним в любом случае не помешало бы. Вполне возможно, старик с настоящим хозяином «Ситроена» общался и располагает о нем какой-то личной информацией. Например, было бы интересно узнать, как тот тип объяснил старику необходимость такого замысловатого маневра с оформлением машины, не звонил ли кто-нибудь ему в присутствии Шуркина по телефону, в конце концов, как они решили вопрос с оплатой налога на транспортное средство – счета-то к оплате наверняка приходили на адрес деда.

– А-а-а... – понимающе протянул Станислав. – Ну да, ну да... Кстати, а что у нас на завтра? Ты уже определился?

– Да, я нашел адреса двух институтов, которые занимаются «алмазными» вопросами. Это НИИ «Алмаз» на Сахалинской и Институт минералогии на Мостостроевской. Ты, я так понимаю, скорее поехал бы в «минералогию» – тебе туда ехать-то всего ничего...

– Да, я на Мостостроевскую! – согласился Крячко. – Ладно, созвонимся.

Сразу же после разговора со Стасом Лев созвонился с начальником информотдела Жаворонковым и поручил ему выйти на страховые компании, чтобы установить пользователя (или пользователей – если их несколько) «Ситроена», заодно этот же вариант – для сгоревшего «Форда». Посетовав на то, что Орлов загрузил их отдел «выше крыши» в связи с убийством ведущего сотрудника одной из американских НКО, получившей статус «иностранный агент», Жаворонков пообещал, что чуть высвободится время – он сразу же займется заданием Гурова.

В довершение всего Лев зашел в лабораторию криминалистов и сообщил, что хочет взять для «наглядности» во время визита в НИИ несколько камешков. Впавший в ступор завлабораторией подполковник Махов беспомощно задвигал руками, не зная, что сказать в ответ.

– Лев Иванович, но ведь каждый из них стоит не менее миллиона рублей!!! – наконец выдавил он, сделав большие глаза.

– Викентий Николаевич, я беру камни под личную материальную ответственность! – заявил Гуров и, взяв листок бумаги, написал расписку.

Видя, что подполковник все еще мнетя и сомневается, он набрал номер Орлова и объяснил ему ситуацию. Но и Петр отчего-то вдруг повел себя как заурядный перестраховщик, начав занудливое:

– Лева, а тебе это очень надо – показывать алмазы в НИИ? Какие-то результаты наша лаборатория уже дала. Чего еще надо-то? А вдруг хотя бы один камень пропадет – где найдешь столько денег, чтобы это возместить?

– Банк ограблю! – сердито бросил Лев и добавил: – У нас лаборатория общего профиля, а у них – специального, минералогического, не хуже межведомственной. Разницу улавливаешь? К тому же результатов они еще не прислали.

– Ну, хорошо... – чуть ли не простонал Орлов, – передай трубку Махову...

Выслушав генерала, Махов, исторгая душевные стоны, достал из сейфа опечатанный пакетик с алмазами и, сорвав «контрольку», извлек из него три камешка, которые поместил в запасной пакетик, собственноручно запечатав его застежкой-липучкой, и, протягивая его Гурову, попросил:

– Лев Иванович, пересчитайте!

Иронично усмехнувшись на это и покрутив головой («Во дают! Во дают, перестраховщики хреновы!»), Гуров направился к выходу.

Прибыв домой, он застал Марию за сборами в театр и только сейчас вспомнил, что сегодня у нее премьера и что она его приглашала еще неделю назад. Поэтому, сделав вид, что только ради этого ко времени прибыл домой, Лев прямо с порога объявил:

– Ну, вот и я! Сколько у меня времени на сборы?

– Пять минут! А я пока вызову такси, мне еще в гримуборной понадобится минут двадцать, чтобы успеть войти в сценический образ.

– Никаких такси! У нас свой транспорт есть. Доедем быстро и точно в срок.

Быстро облачившись в строгий черный костюм, Гуров галантно подставил жене согнутую руку:

– Леди, прошу в нашу карету! Надо поторапливаться, а то, если опоздаем, театр превратится... нет, не в тыкву, а в недовольно гудящий улей: «Где Мария?! Почему нет Строевой?!»

Слушая его, Мария рассеянно улыбнулась – похоже, она уже начала внутренне перевоплощаться в свою сегодняшнюю героиню. Впрочем, и сам Лев мыслями был несколько отдален от реальности. Спускаясь в лифте, он обратил внимание на бриллиантовые серьги Марии, которые купил ей ко дню рождения, и его мысли тут же невольно снова ушли в дебри проблем минувшего дня. Они сели в «Пежо», и Гуров, аккуратно вырвав на дорогу, прибавил ходу.

К театру они прибыли даже раньше, чем предполагалось. Взглянув на часы, светящиеся над входом, Мария одобрительно отметила:

– Как мы быстро! Ну, теперь я располагаю уймой времени. Кстати! Сегодня на сцене ты меня можешь не узнать. Да! Я должна буду сыграть черствую эгоистку, которая, лишь получив ряд суровых жизненных уроков, сможет пересмотреть свои взгляды на себя и окружающих и сумеет изменить свой характер.

– Слава богу, у тебя еще не было роли леди Макбет, – захлопнув дверцу и включая охранную сигнализацию, усмехнулся Лев. – А то мне на этот период пришлось бы временно пересе-

литься к Стасу – мало ли чего?! Вдруг войдешь в роль так, что и в самом деле станешь этой самой леди?

Лишь улыбнувшись на эту подначку, Мария зашагала по ступенькам к парадному входу. На мгновение приостановившись, она оглянулась и многозначительно обронила:

– Кстати... «Макбет» в наших планах есть. Я уже думала, кого бы там сыграть. Как считаешь, кого? Леди Макбет или старшую из ведьм? Что посоветуешь?

– Сыграй лучше Золушку! – смеясь, предложил Гуров.

О том, что происходит на сцене, Лев забыл, едва начался спектакль. Он чисто механически следил за действием на сцене, «на автопилоте» аплодировал вместе с другими, а его мысли всецело были заняты сегодняшними событиями. И так, и эдак перемалывая в уме факты, он все же пришел к выводу, что алмазы наверняка ввезли на территорию России из-за границы. И тому имелись достаточно веские доводы.

Кто бы и что бы ни говорил, но сегодня Россия находится в состоянии войны с Западом, в лице его главного «локомотива» – США. Американцы, не дождавшись распада России на отдельные географические фрагменты, что было запланировано ими на конец девяностых – начало двухтысячных, за последние два десятилетия «раскочегарили» новый этап все той же «холодной войны». Правда, сейчас ее чаще именуют «гибридной». Но война, как ее ни называй, войной и остается. А цель любой войны – если не полное уничтожение, то радикальное подавление противника, подчинение его своей воле и хозяйничанье на его территории. А это у нас уже было.

Во времена «лихих девяностых» верхние эшелоны власти были наводнены агентурой ЦРУ, которая, формально являясь советниками по «демократизации России», на деле исполняла роль указчиков, что и как делать, чтобы Россия поскорее стала сплошными и политическими, и экономическими, и демографическими руинами. Но, к счастью, эти планы рухнули. И тогда Запад вновь предпринял попытку поставить Россию на колени. Едва не дошло до прямого военного столкновения, как это было в Сирии. Но ядерная война Западу не нужна – он и сам тогда погибнет. Ему нужно уничтожить Россию – как страну, как общество, да и как этнос тоже. Слово «русский» для них – аналог слова «враг».

Именно отсюда и паскудничанье западных «цивилизаторов» на Украине, в фашистское перерождение которой они вложили миллиарды долларов. Отсюда и оголтелая ненависть ко всякой стране, которая поддерживает с нами дружеские отношения (с какого ляда им бы тогда понадобилось раздраконить Югославию и разбомбить Сербию?!). Впрочем, ненависти удостаиваются и те, кто пытается придерживаться конструктива, не желая подыгрывать уолл-стритовским денежным мешкам и заправилам ТНК, которые являются главной «пружиной» нынешней войны. А на войне – как на войне. Можно ведь наносить урон противнику, и не запуская в его сторону ракеты, а нанося тот или иной ущерб его экономике. Для чего все эти санкции, все эти выкрутасы с нарушением бывших договоров и соглашений? Все для одного и того же – любыми путями, любой ценой измотать, обескровить Россию, загнать ее в угол и поднести к виску пистолет: или сдавайся, или спушу курок. Если и раньше войны не имели никаких гуманистических правил и начал (что рассуждать о всякого рода конвенциях, призванных «облагородить» войну, если они хронически не выполняются?!), то сегодня о них и подавно не стоит вспоминать.

Возвращаясь к «алмазной» истории, можно предположить, что некто нашел способы и методы достаточно дешевого и быстрого способа производства искусственных алмазов. А некто другой, узнав об этом, сообразил, что алмазы могут стать весьма мощным оружием, пригодным для раскачки экономики – как в какой-то отдельной стране, так и во всем мире. Как тут не вспомнить «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого? Гарин сумел захватить власть, по сути, над всем миром, завалив рынки дешевым золотом. Он создал экономический и административный хаос, и это помогло ему добиться желаемого. А чем хуже для

этой цели алмазы? В мире сегодня существует определенный алмазный паритет, в том числе и с учетом искусственно произведенных. Но что, если в какую-то страну начать бесконтрольный ввоз этих драгоценных камней, чтобы ее внутренний рынок затрещал по швам? Разумеется, чтобы реально оценить все последствия подобной акции, нужно быть хорошим финансовым аналитиком. Но и человеку, далекому от экономической науки, тут может быть яснее ясного: серьезных потрясений не избежать. Российский рынок алмазов даже по официальным данным выражается в триллионах рублей, и если его обрушить, то потери экономики могут быть огромными...

Когда действие на сцене завершилось и главная героиня, в начале спектакля являвшая собой эгоистичную злыдню, в финале и в самом деле вдруг обратилась в некий аналог Золушки, зрительный зал взорвался шквалом аплодисментов. Гуров дождался Марию, и они медленным шагом направились к автостоянке. Испытующе взглянув на мужа, Строева чуть кокетливо поинтересовалась:

– Ну, и как я в этой роли? Антипатий ко мне не появилось? Хотя... Лева, мне показалось, что ты в зале всего лишь присутствовал. Того, что происходило на сцене, ты не видел. Я права?

– Хм... Отчасти, – пожал плечами Лев. – Да, были моменты, когда мысли уходили куда-то очень далеко, но в этом есть доля вины и твоей меркантильной героини. Ее рассуждения о путях достижения богатства не могли не подвигнуть к соответствующим размышлениям. Особенно монолог во втором действии. Это прямо манифест гоголевского Чичикова, правда, в юбке.

Слушая его, Мария негромко рассмеялась:

– Да, Лева... Вот за что я тебя ценю, так это за твою феноменальную зрительную память и твое умение пролить зрительский бальзам на актерские душевные раны. Поэтому, хоть ты на постановке, по существу, отсутствовал, я на тебя не сержусь. Что уж тут поделаешь? Ладно, присутствовал – и на том спасибо...

Утро у Гурова прошло как и обычно: разминка, душ, завтрак... Уплетая яичницу с беконом, он попутно смотрел новостной телеканал. В программе «Петровка-инфо» показали сводку криминальных происшествий. Сначала прошел сюжет о задержании минувшей ночью двух грабителей банкоматов, затем о таксисте, подозреваемом в нападении на женщин с некими низменными намерениями, далее – пара видеоматериалов о целой серии всевозможных ДТП. И наконец, в рубрике «Актуальное интервью» показали... генерала Орлова! Под прицелом телекамеры он общими словами повествовал о происшествии в окрестностях Истры, о перестрелке, как выразился генерал, «предположительно двух криминальных группировок».

Досмотрев сюжет до конца, Лев одобрительно кивнул – молодец, Петруха, грамотно отвертелся от вопросов интервьюирующего об алмазах, о результатах предварительного расследования. В самом деле! Было бы полнейшей дурью выкладывать открытым текстом все детали, все тонкости и нюансы этого происшествия и ход его расследования...

Когда время подошло к девяти утра, на парковке у НИИ «Алмаз», размещавшегося в большом четырехэтажном здании, скромно остановился серый «Пежо». К вышедшему из салона высокому, плечистому гражданину шустро, словно чертик из табакерки, подскочил некий «парковщик» в ядовито-желтой накидке со светоотражающими нашивками, который нагло внятно объявил:

– Двести!

– Двести? А три не хочешь? В смысле года! Причем с конфискацией... – показав мошеннику удостоверение, проговорил Гуров.

Тот, пискляво ойкнув, в мгновение ока скрылся за машинами. Пройдя к входу в НИИ – большой стеклянной будке вестибюля, со снуловатым вахтером в черной униформе, Лев посторонился, пропуская вышедших ему навстречу двух очень серьезных дам, которые спорили о

чем-то актуально-значимом. Сопровождаемый оживившимся взглядом вахтера, он вошел в вестибюль, представился и спросил, с кем бы из ведущих специалистов можно пообщаться по чрезвычайно важному вопросу. Задумавшись, тот сообщил, что, разумеется, лучше всего пообщаться с директором НИИ, но поскольку он в отпуске и в данный момент отдыхает где-то в Египте, то встретиться можно с его первым замом, профессором Калмыковым.

– Ну что ж, я не против. Давайте профессора, – кивнул Гуров.

– Одну секунду, я с ним сейчас созвонюсь!

Вахтер кому-то вполголоса скороговоркой сообщил по телефону про «товарища из уголовного розыска» и, выслушав ответ, озарился радостной улыбкой, словно ему только что сообщили о миллионном выигрыше в лотерею.

– Он вас ждет! Вам на второй этаж, там – направо, кабинет шестнадцать!

С трудом сдержав улыбку, Гуров поблагодарил и шагнул в холл, уставленный большими пластмассовыми кадками со всевозможной офисной зеленью. Его нос тут же уловил витающие в воздухе характерные «лабораторные» запахи каких-то кислот, чего-то горелого, смешанные с запахами духов здешних сотрудниц. Он поднялся по широкой лестнице на второй этаж, где тоже имелся небольшой, но столь же озелененный холл. Свернув вправо и немного пройдя по просторному коридору, Лев оказался перед дверью с номером шестнадцать и табличкой, на которой значилось: «Заместитель директора НИИ «Алмаз» профессор Калмыков Виталий Андреевич».

Пару раз стукнув в дверь, он услышал голос человека явно пенсионного возраста, но достаточно бодрый и внятный:

– Войдите!

Профессор оказался худощаво-лысоватым мужчиной лет шестидесяти пяти, с аккуратной бородкой и типично «профессорскими» очками. Выйдя навстречу визитеру, он подал руку, несколько удивив гостя крепким рукопожатием.

– Прошу! – указал Калмыков на столик у окна, с электрическим кофейником и чашками, подле которого стояло два кресла. – Кофейку выпьем? У меня отличный кофе!

– Не откажусь... – улыбнулся Лев.

– Ну, так чем же может быть полезен столь серьезному ведомству наш институт? – наполнив чашки, поинтересовался профессор.

– Вы, возможно, уже слышали о происшествии в районе Истры? Там в ходе перестрелки в лесной балке погибли пять человек, двое из которых еще и сгорели в своей машине.

– А-а-а... Да, наслышан. Раза два в новостях об этом говорили. И, насколько я понял, каким-то образом во всей этой истории замешаны синтетические алмазы... Поэтому-то вы к нам и приехали?

– Да, Виталий Андреевич, именно поэтому. Ваш НИИ, надо понимать, занят не только изучением сфер применения алмазов, но и сам экспериментирует с их производством. Я прав?

– Разумеется... – сдержанно улыбнулся Калмыков. – У нас есть хорошая, еще советской разработки, экспериментально-производственная установка. Правда, она уже несколько устарела, но нас выручает. Мы на ней производим вполне приличные алмазы до пяти каратов. Если пожелаете, я вам ее покажу.

– А вы не скажете, сколько времени уходит на синтез одного карата? – отпивая кофе, спросил Гуров.

– По-разному. В среднем от трех до десяти часов, в зависимости от качества получаемых кристаллов и типа установки... Само собой разумеется, это достаточно долгий и энергоемкий процесс. Сейчас идут работы над тем, чтобы ускорить синтез алмазов хотя бы раза в два. Но для экспериментальной работы нужны огромные деньги. А их нам столько, сколько нужно, не дают. Поэтому и перебиваемся тем, что имеем.

– А сколько всего существует методов получения искусственных алмазов? – задал очередной вопрос Лев, глядя на портрет Ломоносова, на который сразу как-то не обратил внимания.

Профессор тоже бросил взгляд на архангельского ученого-самородка и произнес:

– Михайло Васильевич – величайший гений России. Кстати, он, помимо всего прочего, занимался и вопросами минералогии. Ходит легенда, что он придумал, как при помощи грозовых разрядов синтезировать алмазы. Думаю, его друг Георг Рихман, погибший от удара молнии, не случайно занимался вопросами атмосферного электричества. Ну, а мы, нынешние, знаем несколько различных способов получения искусственных алмазов. Первый – сдавливание суперпрессом специальной графитовой заготовки-кубика с шести сторон при очень высокой температуре. Второй – химическое осаждение атомов углерода из газовой, углеродосодержащей среды, наподобие метана, на специальную основу. Есть еще взрывной способ – взрыв мощного ВВ, смешанного с графитом. Но этот способ дает лишь нанокристаллы. Он используется в основном у нас и в Китае для получения алмазного абразива. Есть и экспериментальный метод кавитационной обработки графита мощным ультразвуком. Но он дает тоже сухую пыль, пусть и алмазную, к тому же очень мало.

– И какой же метод использует ваш институт? – Гуров задавал чисто технические вопросы, словно напрочь забыв о первоначальной цели своего визита.

– У нас – установка «БАРС», разработанная сибиряками еще в конце восьмидесятых. Она тоже использует механическое сдавливание и высокотемпературный нагрев углеродной заготовки. Но «БАРС» намного компактнее и совершеннее западных образцов. Лев Иванович, я так понимаю, расспрашивая о чисто технологических моментах, вы держите наготове вопрос, имеющий привязку к упоминавшемуся вами происшествию. Я прав?

– Разумеется! И мой вопрос, благодаря услышанному от вас, из абстрактно-аморфного блуждания мыслей в некоем астрале оформился в нечто конкретное. Так вот, скажите, Виталий Андреевич, а что, если некто, никому неизвестный, но одаренный и талантливый, сумел разработать ускоренный, не требующий больших энергозатрат метод производства синтетических алмазов? Как вы считаете, это могло бы иметь какие-то последствия для нашего нынешнего мира – как положительные, так и отрицательные?

Глубоко задумавшись, профессор отставил чашку с недопитым кофе и некоторое время молчал, глядя в окно. Наконец он проронил:

– Да, теоретически такое возможно. Жизнь на месте не стоит, а талантами мир не оскудел. Но, видите ли, Лев Иванович, все зависит от того, в чьих руках окажется такая установка. Тут почти как с расщеплением атомного ядра: американцы первыми сделали атомную бомбу и сбросили ее на Японию, а наш Союз первым в мире построил атомную электростанцию. Разница колоссальная. Вот так же и в этом. Если ускоренное производство искусственных алмазов поставит на поток такая страна, как Россия, то миру от этого будет только польза. А вот если этим завладеют те, кто мечтает о мировом господстве, то... Это будет сродни ядерному удару.

– И не менее того? – недоверчиво усмехнулся Гуров.

– В плане экономическом – не менее. Нефть ведь уже стала оружием, которое недобрыми руками было использовано для разрушения целой страны? Стала. Ее и сейчас пытаются задействовать для развала России. Я как-то на одном крупном минералогическом симпозиуме в Брюсселе общался с неким американским профессором Френтоном. Говорили на самые разные темы – и о минералогии, и о политике. Человек он умнейший, образованнейший, но при всем том – ярый адепт превосходства англосаксов над всеми прочими этносами и не менее ярый русофоб. В этом плане он прямо-таки второй Бжезинский. Так вот он прямо сказал: для Соединенных Штатов историческая задача номер один – сделать все возможное, чтобы Россия безвозвратно ушла в небытие.

– Каков гусь! – Лев саркастично рассмеялся.

– Я его спросил: а он уверен, что это американцам по плечу? Двадцать второе июня – это можно гарантировать! – больше уже не повторится никогда. И любое, даже самое внезапное нападение получит достойный отпор. Он в ответ лишь многозначительно улыбнулся: «Нам на вас нападать незачем. Вы сами разрушите свою страну и уничтожите самих себя. И мы вам в этом охотно поможем». Так что искусственные алмазы, вернее, их производство и использование соответствующим образом тоже может стать оружием массового поражения экономики. Мало кто знает, что в девяностые, когда в России началась приватизация, в питерский порт пришел американский сухогруз с контейнерами, в которых находились сотни миллиардов долларов, специально по этому случаю напечатанных ФРС. И на эти куски зеленой бумаги было скуплено все, что только захотелось американцам. Просто диво, как России после всего этого экономического разбоя удалось выстоять и сохраниться как единое государство...

– Да, что было – то было... – чуть поморщившись, вздохнул Лев. – Но, возвращаясь к теме подпольного производства синтетических алмазов, хотел бы показать вам нечто интересное. Что скажете об этом? – И он положил на стол перед профессором пластиковый пакетик, в котором отблескивали три прозрачных камешка, размером с лесной орех.

Ошеломленно поправив очки, Калмыков извлек один из камешков и, внимательно осмотрев его, воскликнул:

– Это невероятно! Это – алмазы! Великолепное качество, камни чистой воды!.. Но... откуда они у вас?

– Это алмазы, из-за которых и произошла перестрелка в лесу. На покупателя и продавца в момент совершения сделки напали вооруженные грабители и убили их. Но один из потерпевших успел открыть ответный огонь и, даже будучи смертельно раненным, сумел уложить всех троих налетчиков. Оказавшийся неподалеку бомж взял из машины горсть алмазов и кинулся бежать. Ему не повезло – на трассе он был сбит машиной, но тем не менее смог добраться до придорожных зарослей, где и умер. Его случайно нашли проезжавшие по трассе люди...

– Ужасная история! – знобко повел плечами профессор. – Прямо как снова вернулись в девяностые. Что касается этих алмазов, то они уже признаны искусственными?

– Наши эксперты сразу же установили, что это не природные, а синтетические алмазы. В кармане погибшего бродяги их оказалось двенадцать штук. Скорее всего у продавца их было гораздо больше.

– Но их, следует понимать, не нашли?

– Нет, не нашли, – отрицательно качнул головой Лев. – Как показало предварительное расследование на месте происшествия, после перестрелки там появились еще несколько человек. Они унесли с собой трупы налетчиков – видимо, это были члены одной и той же банды, – а машину с трупами продавца и покупателя подожгли, прихватив с собой остаток товара и деньги покупателя. Скажем, пистолет бельгийского производства, из которого отстреливался один из сидевших в машине, бесследно исчез. Металлический кейс с кодовым замком, обнаруженный в обгоревшей машине, предположительно мог вместить до нескольких килограммов алмазов.

– Вы полагаете, что он весь был заполнен алмазами?

– Допускаю. Да пусть даже их там было всего полкило. В любом случае – это ж какие деньги! Верно? Это огромные деньги! И еще вопрос, кем и на что они будут потрачены...

– Давайте зайдем в нашу лабораторию, пусть наши девочки их исследуют, может быть, удастся выяснить что-то интересное.

Они спустились на первый этаж и, пройдя по коридору, вошли в просторное помещение, наполненное запахами каких-то химикалий. Помимо классических колб, реторт и горелок, здесь в изобилии имелись всевозможные электронные приборы, совершенно непонятного назначения для непосвященного. Сотрудницы лаборатории самых разных возрастов – от студенческого до предпенсионного – при появлении профессора с незнакомым гостем с интересом воззрились в их сторону. Калмыков вкратце пояснил суть своего визита и попросил:

– Девчата, вы, так сказать, выжмите из этих камешков максимум информации. Хорошо?

– Сделаем, Виталий Андреевич! – взяв у Гурова пакетик с алмазами, пообещала крупная дама, как и все прочие, одетая в белый лабораторный халат, назвавшаяся Фаиной Людвиговной. – Какие великолепные кристаллы! Да, давно таких не видела...

– Вас, может быть, чаем угостить? – предложила еще одна, улыбочивая, с задорной рыжей челкой, свисающей из-под белой лабораторной шапочки, указав на столик за стеклянной перегородкой.

– Угощайте! – кивнул профессор и вполголоса пояснил Льву: – Чай у них всегда хороший, с мелиссой. Очень ароматный!

Гуров и Калмыков прошли в лаборантскую бытовку, где все та же улыбочивая сотрудница проворно накрыла стол и налила чай. Отпив из своей чашки, профессор усмехнулся и хитровато спросил:

– Люся, а ты, часом, в чай нашему гостю ничего приворотного не добавила? А?

– Нет, Виталий Андреевич, не добавила... – отчего-то вдруг засмушалась та.

– Виталий Андреевич, вы за меня не беспокойтесь, – безмятежно улыбнулся Лев. – На меня не действуют даже самые сильные приворотные снадобья.

– Правда?! – Девушка отчего-то вдруг огорчилась. – Какая досада! Вот так в девках и помрешь, не изведав семейной жизни...

Гуров и Калмыков при этих словах дружно фыркнули.

– Эх, надо было сюда приехать не мне, а моему лучшему другу... – взглянув на лаборантку, сочувственно посетовал Лев. – Уж он бы заколдовался в момент, да еще и с большим удовольствием!

Когда чаепитие подходило к концу, в бытовку вошла сотрудница с пакетиком алмазов. Подав его Гурову, лаборантка сообщила, что данные камни действительно искусственного происхождения, при этом имеют очень высокое качество, но пока очень сложно определить, какова именно методика их производства.

Во всяком случае, их атомарная структура такова, что ни си-ви-ди (химическое осаждение из газовой фазы), ни эйч-пи-эйч-ти (высокое давление, высокая температура) к их синтезу отношения не имеют. Кроме, так сказать, чрезмерной чистоты алмазов, они оказались процентов на тридцать тверже природных.

Не вполне обычными оказались и их иные физические свойства. Будучи диэлектриками, при определенной температуре они по совершенно непонятным причинам вдруг становились проводниками, хотя каких-либо примесей в их составе не имелось. Отметив этот факт, лаборантка особо подчеркнула, что эти свойства предоставленных для экспертизы алмазов необычны, уникальны и в техническом плане, по сути, бесценны, поскольку могут стать основой нового типа электроники.

– Я так думаю, тот, кто эти алмазы сделал, очень большого ума человек! – констатировала она. – Нам хотя бы один такой камешек для дальнейших исследований. Я ведь только «галопом по Европам» их исследовала. А есть еще и множество других параметров, которые хотелось бы проверить...

– Лев Иванович, как бы нам раздобыть образцы таких алмазов для более глубоких исследований? Что скажете? – повернулся профессор к Гурову.

– Лично я – только «за»! – развел руками Лев. – И хотя эти алмазы все еще считаются вещдоком, я поговорю с руководством, чтобы изыскали возможность какую-то часть выделить вашему НИИ.

– И еще, Лев Иванович... – Калмыков, глядя в пространство, несколько раз энергично сжал и разжал пальцы рук. – Если вам удастся найти этого умельца, который придумал производство таких алмазов, пришлите его в наш институт. Хорошо?

– Будем иметь в виду... – пообещал Лев, собираясь откланиваться.

Обменявшись на прощание рукопожатием с профессором, он вручил ему свою визитку и уважительно отметил:

– Чувствуется, что со спортом дружите! Энергии вам не занимать.

– Да, Лев Иванович, дружу! – улыбнулся тот. – Каждое утро – пробежка пять километров, на работу – только на велосипеде. Меня уже внуки укоряли: «Дедушка, ты на дедушкото совсем не похож. Другие дедушки на лавочках – «кхе-кхе», ходят с палочкой, а ты быстрее нас по лестнице взбегаешь. Даже перед друзьями неловко!»

Попрощавшись и с лаборантками (Люся не преминула пригласить Гурова в их НИИ «как-нибудь еще разок заглянуть»), он вышел на улицу, и в этот момент запиликал его телефон. Это был начальник информотдела майор Жаворонков. Он сообщил, что нашел настоящего хозяина «Ситроена». Им оказался житель Подмосковья, некто Арсений Лобух, проживающий в поселке Болотово по адресу: улица Кирпичная, двадцать. В базе данных МВД и ФСИН он не значится. Согласно информации, взятой в территориальном ОВД, Лобух – коммерсант, имеющий продуктовый магазин в Болотово. Пока что о нем ничего больше толком выяснить не удалось. Поэтому в данный момент двое сотрудников отдела собирают о Лобухе всю возможную информацию из самых разных источников. Что касается владельца «Форда», то даже самые заурядные сведения о нем удалось получить с немалыми сложностями.

– Видите ли, Лев Иванович, тут такой деликатный момент... – досадливо вздохнул майор. – Мы с белорусами вроде бы крепко дружим, однако последние года три все чаще замечаю, что работать с ними становится все сложнее и сложнее. Всякий наш запрос теперь проходит определенную процедуру согласований, иной раз очень долгую. Вот и насчет «Форда» я послал запрос еще вчера, а ответ пришел только сейчас, к тому же не самый подробный. Значит, зовут хозяина машины Шашарин Витослав Александрович, прописан в Витебске, улица Полесская, дом шестнадцать, квартира семь. В данный момент числится ночным сторожем на базе отдыха «Звездная». Это все. Я сообщил им о смерти Шашарина, и они сказали, что передадут эту информацию в свой МИД, чтобы там решили вопрос с отправкой тела в Витебск.

Поблагодарив Жаворонкова, Гуров набрал номер Стаса. Как оказалось, Крячко тоже завершил свой визит в Институт минералогии и уже направлялся в Главк.

– Ты же тоже сейчас подъедешь в «контору»? – поинтересовался он.

– Да, пожалуй... – немного подумав, ответил Лев и добавил: – Тут уже и время близится к обеду, так что, наверное, первым делом сходим в нашу кафешку.

Минут через двадцать он припарковался у Главка, и тут же на своем ретро-«мерине» следом подрулил Крячко.

– Ну, как успехи, что удалось узнать нового? – жизнерадостно ухмыльнулся Стас. – Кстати, мчимся в харчевню?

Они направились в сторону кафе, на ходу обсуждая свои текущие дела.

– Я в это НИИ ездил не с пустыми руками – брал с собой три камня на исследование, их там изучали, – неспешно шагая по тротуару, сообщил Гуров. – Алмазы и в самом деле не природные, но высочайшего качества и с необычными свойствами.

– Ух ты! Брал с собой камни? А как же наш Петруха-перестраховщик? Небось упирался всеми четырьмя, чтобы не дать?

– Четырьмя не четырьмя, но двумя – это точно, упирался... – усмехнулся Лев. – Там и Махов разводил плач Ярославны. Так что пришлось использовать некоторый нажим, и не зря. По мнению старшей лаборантки, у этих алмазов необычные электротехнические свойства. Обычные алмазы, как известно, диэлектрики, а графит – проводник. Так вот у этих алмазов есть определенный температурный момент, когда они из диэлектриков вдруг становятся проводниками. У меня тамошние сотрудники просили хоть один алмаз на более глубокое исследование. Сейчас зайдем к Петрухе, попробую уломать. А еще просили, если найдем спеца, который эти камни сотворил, то они хотели бы его у себя видеть.

– Смотри-ка, спеца им подавай! – язвительно хмыкнул Стас. – Небошь, если к ним прямо сейчас придет какой-нибудь самодеятельный изобретатель, так они его грязной метлой погонят, типа: пшел, пшел, отсюда – не хрена тут всяким полоумным околачиваться! Я как-то разговаривал с одним инженером. Помнишь дело о хищении платиновых тиглей с завода оптического стекла? Вот, он мне рассказывал. К ним, в их ведомственное КБ, как-то пришел один мужичок, который разработал состав стекла, позволявший видеть в ультрафиолетовом спектре невооруженным глазом. Представляешь, какая офигенная хреновина?! Ну, и? Ему тут же от ворот поворот дали. Мол, ты – шизофреник, одержимый бредом сверхценных идей. А через полгода стало известно, что он уже в Штатах, его приняли в какую-то тамошнюю корпорейшен, и он сварил им это суперстекло.

– О как! И что же, неужто американцы его озолотили? – спросил Лев с оттенком недоверия и иронии.

– Ага, «озолотили»... – сердито хохотнул Станислав. – Держи карман шире – козлы везде одинаковы. Там вообще с изобретателем такая жопа получилась! Когда он все им сделал, все расписал от сих до сих, они эту разработку тут же присвоили, а его выставили на улицу. Денег дали только на билет до России. Типа, русский сделал свое дело – русский может проваливать на все четыре стороны. Ну, домой он не поехал – все бегал по судам, все пытался доказать, что его использовали и кинули. Только толку вышло ноль. Сейчас где-то там бомжует, по амерским мусоркам шарится... Вот такие, блин, пироги...

Они вошли в кафе и, сев за свободный столик, сделали заказ, после чего продолжили разговор. Стас рассказал о своем визите в Институт минералогии. Прибыв туда, он встретился с заведующим кафедрой сверхтвердых минералов. Профессор Викуленко оказался человеком очень эрудированным (а каким еще мог бы быть профессор?!) и весьма общительным. А еще он явил себя неудержимым оптимистом и в некотором смысле романтиком минералогии. Рассказывая про алмаз, профессор прочел Станиславу лекцию-оду об углероде.

– Углерод – это самый загадочный и удивительный элемент периодической системы Менделеева! – восхищенно повествовал он. – Даже с точки зрения нумерологии он не случайно стал основой белковой жизни. В системе Менделеева углерод занимает шестую клетку и имеет атомный вес, выраженный числом «двенадцать». А двенадцать, как вы, наверное, знаете, число почти мистическое. Давайте сложим один и два, и получится три. А три – цифра, кратная девяти и числу сто восемь, которое на Востоке считается священным.

– А почему именно сто восемь – священное? – недоумевающе уточнил Крячко. – Вроде бы счастливым числом всегда считалась семерка. Вон, наши «крутые» за любые деньги покупают на свои авто госномера с тремя семерками.

– Все дело в девятке. Это тоже – число, представляющее собой вселенскую загадку. Умножьте на девять, например, тридцать два, там, семьдесят три, сто сорок девять... Ну, и любое другое число, пусть даже оно из тысячи знаков. Умножили? Сложите все цифры произведения, и в конечном итоге вы получите все ту же девятку! Ни одно другое число такого результата не дает. Ни восемь, ни семь, ни пять... Только ноль чем-то напоминает девятку – результат умножения на ноль всегда равен нулю.

Слушая своего чуточку экзальтированного собеседника, реалист Станислав попытался направить разговор в единственно интересующее его русло расследования:

– Леонид Юрьевич, это все очень интересно, однако какое отношение нумерология имеет к синтетическим алмазам и убийству пяти человек?

Жизнерадостно рассмеявшись, Викуленко шутливо погрозил ему пальцем и с сокрушенным вздохом пояснил:

– Вы мне напоминаете моих некоторых студентов, которые на лекции записывают только то, что, по их мнению, не выходит за рамки темы. А все остальное они пропускают мимо ушей. Но зато потом, когда нужно теоретически, с философских позиций обосновать те или иные

явления или процессы, они лишь беспомощно хлопают ртом, подобно рыбе, выброшенной на песок.

Обреченно вздохнув в ответ, Крячко решительно махнул рукой:

– Согласен! Я – само внимание!

И профессор продолжил свою лекцию. Он обратил внимание Стаса на парадоксальность и уникальность физических и химических свойств углерода. Будучи, по сути, эталоном черноты и синонимом податливости в форме графита, в форме алмаза он во многом является эталоном твердости и прозрачности. Соединяясь с одними металлами, углерод придает многим из них невероятную твердость, тугоплавкость и стойкость к любым кислотам. В соединении с другими металлами он, наоборот, химически активен.

– В детстве-то, наверное, экспериментировали с карбидом кальция, который мальчишки именовали «карбиТом»? – выразительно взглянул на Станислава профессор. – Крали его или выпрашивали у сварщиков, кидали в бутылку с водой и забивали ее пробкой. Ну, а потом – дай бог ноги! Ну, чтобы успеть спрятаться за углом и не получить осколочного ранения от взорвавшейся бутылки... Было такое?

– Было... – «покаянно» вздохнул Крячко.

– То-то же! По лицу вижу, что бывший хулиган. Кстати, моя самая любимая категория студентов. Это такие дотошные чертяки, которые лезут в любые детали и чихают на устоявшихся авторитетов. Они способны на невозможное, а это – самое ценное в ученом. Был у меня когда-то один такой... О-о-о! От его проделок весь институт стонал. Но умница – каких поискать. Помню, он все порывался придумать способ очень простого и легкого синтеза искусственных алмазов.

– Что вы говорите?! Оч-чень интересно! А можно о нем поподробнее? – Сразу же почуяв что-то очень важное, Крячко даже подался вперед. Он интуитивно ощутил, что эта информация может оказаться чрезвычайно важной.

Викуленко, слегка вздохнув, кивнул головой и стал рассказывать:

– Он поступил в наш институт в конце девяностых. Парень из какой-то то ли рязанской, то ли саратовской деревни... По натуре, как таких называют, – «оторви да выбрось». Но при этом – светлая голова, великолепная память и завидная способность к аналитике. Вот усидчивости у него было маловато. Он лекции никогда не писал – запоминал все с лету. А на лекциях занимался тем, что писал записки своим однокурсникам.

– Что, бабник был? – усмехнулся Станислав.

– Ну, скажем так, «правильный бабник». У него было что-то вроде «кодекса чести» бабника, и он каких-то низостей и подлостей никогда не допускал. Скажем, еще совсем зеленых, нецелованных он не трогал, хотя многие из них не прочь были бы с ним погулять. Нет, он встречался со всеми претендентками на его сердце, но тем, что еще «не вкусили запретного», обычно говорил: «Ну, все, погуляли и – хватит. Иди, радуй маму и не делай глупостей, пока не выйдешь замуж. Успеешь еще начудить!» Ну, а с нашими институтскими общепризнанными «светскими львицами» куролесил направо и налево. Вершиной его донжуанских успехов стал роман с женой нашего проректора по научной работе.

– Его что, на теток тянуло? – поморщился Крячко.

– Какая «тетка»?! – категорично отмахнулся профессор. – Молодая красавица, лет двадцати пяти. О-о-о! Любая голливудская знаменитость в сравнении с ней – скромная серая мышка. За ней пытались приударять все наши местные ловеласы, но впустую. А он с ходу ее завоевал. Когда это стало известно, разразился жуткий скандалище. Парня чуть не выгнали из института за несколько дней до защиты диплома. Но я его отстоял, хотя нажил себе врага на всю оставшуюся жизнь. Кстати, в том, что все узнали о ее романе с Володькой Захаровым, виновата она сама. Да! Баба есть баба. Ночь с ним провела, а наутро побежала рассказывать об

этом своим подружкам. А что такое бабская «дружба» – известно всякому. Они тут же поставили в известность ее муженька, и он учинил разборку на весь институт.

– Они развелись?

– Да, она ушла от него сразу же. И, я так понял, у Лерки с Володькой были планы пожениться.

– Ее звали Валерией? Красивое имя. Но они, как явствует из сказанного вами, не поженились...

– К сожалению, нет, – с непонятной горечью ответил Викуленко. – Вскоре после окончания института он попал в тюрьму.

– Как в тюрьму? А за что его посадили? Неужели из-за той самой истории?

Разом утратив оптимистичную улыбочку, профессор досадливо нахмурился:

– Сел он за драку, в ходе которой серьезно пострадал сынок начальника ОВД нашего округа. Володя вечером возвращался домой – к той поре он уже работал старшим лаборантом на нашей кафедре и готовился в аспирантуру. И тут увидел, как трое мордovorотов тащат в машину девочку лет четырнадцати – совсем еще ребенка. А парень он был не хиленький, к тому же занимался боевыми искусствами. Схватился с ними. Всех троих вырубил, девочку отвел домой, а утром за ним приехали. Как оказалось, сынок того полковника при падении крепко приложился головой к асфальту и в результате стал дурачок дурачком. Было следствие, суд, на который даже не сочли нужным пригласить родителей потерпевшей. Те, кстати, сами не раз ходили в прокуратуру, к следователю, в полицию, обращались в СМИ, везде доказывая, что обвиняемый в избиении троих «ни в чем не повинных мальчиков» спас от насилия и, возможно даже, смерти их несовершеннолетнюю дочь. Но от них отмахнулись, как от назойливых мух...

Слушая Викуленко, Стас почувствовал, как у него непроизвольно сжались кулаки.

– Твари позорные! – помотав головой, пробормотал он. – И сколько же ему отмотали?

– Десять лет строгого режима. Но, как видно, его и в заключении не оставили в покое. Он отбыл около половины срока, как в его камере с чего-то вдруг возникла драка, в ходе которой он был убит. Во всяком случае, мне сообщили именно это, – понурившись, выдохнул профессор.

– Вы его навещали? – сочувственно спросил Крячко.

– Да, его я постоянно навещал, старался как-то поддержать, носил передачи, ходил по инстанциям с кассациями. Доказывал всем этим тупым якобы «законникам», что они с легкостью необычайной губят, может быть, даже второго Менделеева, а то и Ломоносова. Но у нас ведь без очень больших денег ничто не решается. Я слышал, что даже есть определенная такса, сколько миллионов стоит выход на свободу осужденного по той или иной статье. Я на Володю возлагал очень большие надежды... Видите ли, у меня было двое сыновей. Старший, он кончил военное училище, погиб в Афганистане. Младший в девяностые связался с дурной компанией и умер от передозировки героина. Поэтому Володя для меня был вместо сына.

– А родители, братья-сестры у него были?

– Были. Но отец, когда он еще только поступил в наш институт, погиб на работе. А мать умерла вскоре после того, как Володю посадили. Он рассказывал, что когда-то у него была еще и старшая сестра. Но она пропала без вести. Куда-то поехала и исчезла. А в тюрьме сгубили и его самого. Думаю, это был чей-то заказ... Хотя в его смерть я до сих пор не могу поверить. И знаете, два года назад произошла одна довольно-таки загадочная история.

Как далее рассказал профессор, в середине «нулевых» ректором их института был назначен тот самый проректор по научной работе. Будучи человеком злопамятным, он всячески пытался его «съесть». Когда их кафедру лишили всякого финансирования, а ему стали «шить» пресловутую «тридцать третью», Викуленко ушел сам, поскольку работать стало вообще невозможно. Попытался устроиться на работу в учреждения подобного профиля, но везде получил отказ. По всей видимости, подсутил его главный «доброжелатель».

И тут с ним связался старый знакомый – известный французский минералог Жорж Коулле, гордившийся тем, что одним из его предков был русский гренадер Пантелей Дорофеев, пришедший с войсками в Париж после разгрома Наполеона в ходе Отечественной войны. Как рассказывал сам Коулле, однажды его русский прапрапрадедушка встретил парижскую белошвейку, и уж такая между ними возникла любовь, что Пантелей остался в Париже навсегда.

И вот Жорж Коулле, узнав о случившемся с Викуленко, немедленно созвонился с ним и пригласил работать в один из лучших европейских центров минералогии. Подумав, Леонид Юрьевич согласился и более десяти лет отработал во Франции. Но его постоянно тянуло домой, в Россию. И когда полтора года назад он узнал о том, что их ректора с треском выставили за взятки, а институт возглавил один из его бывших учеников, то сразу вернулся обратно. Правда, теперь он не забывает и про Францию – периодически ездит туда на всевозможные семинары и симпозиумы, чтобы повидаться со своими тамошними коллегами и учениками.

– Мне вернули мою кафедру, мы сейчас расширяем ее экспериментальную и практическую базу – дел полно! – Профессор широко развел руками. – И вот как-то раз в компании моих бывших учеников вспоминали мы былое, тех, кто у нас учился... И доцент Темнов, кстати, однокашник Захарова, вдруг говорит: «Два года назад в институт приходил какой-то непонятный человек. Весь в наколках – видимо, сидел, и немало, спрашивал вас. Когда узнал, что вы во Франции, попросил адрес. Но ни у кого из тех, с кем он разговаривал, ни адреса, ни телефона не оказалось. Он отчего-то очень расстроился и ушел. Больше здесь не появлялся...» Я как услышал об этом – у меня даже сердце закололо. Мне вдруг подумалось, что это был Володя, и я попросил начальника нашей охраны разыскать журнал записи посетителей за тот год. Темнов точной даты, когда приходил тот человек, не помнил. Вроде бы где-то в середине мая. Я просмотрел записи того года за апрель, май и даже июнь, но Владимира Захарова среди посетителей не оказалось.

– А могло так случиться, что он поменял свои паспортные данные? – испытующе взглянул на Викуленко Стас.

– Теоретически это возможно. Но на деле... Бог его знает! Станислав Васильевич, я каждый день готов ходить свечки ставить за то, чтобы это был Володя. Но надежды на это слишком мало. За свою долгую жизнь я уже не раз убеждался: чудеса возможны, но случаются они до обидного редко...

На всякий случай попросив у профессора фото Владимира Захарова, Крячко отправился восвояси...

Рассказ Стаса Гуров выслушал, не проронив ни слова. Он неспешно резал бифштекс, время от времени утвердительно кивая, а когда Крячко замолчал, отложил вилку и без тени улыбки резюмировал:

– Похоже, нам и в самом деле улыбнулась удача.

– Думаешь? – вопросительно прищурился Стас.

– Что-то мне подсказывает: надо копать именно в этом направлении. Думаю, у нас хорошие шансы выйти на нечто очень интересное. Конечно, работать будем и по всем другим направлениям, но, если удастся найти того в татуировках, который хотел увидаться с профессором Викуленко, это может стать большим прорывом в расследовании.

– Ну, в общем-то, я тоже так думаю... – Стас наконец-то принялся за уже остывший бифштекс. – Считаешь, нужно в упор заняться делом Захарова?

– Да, сегодня же надо будет затребовать это дело, выяснить, где он отбывал срок, может быть, даже съездить туда, чтобы разобраться с той дракой. Правда, было это лет десять назад, и едва ли сегодня там найдется хоть кто-то из прежнего персонала. Но... Рискнуть, наверное, стоит. Я не исключаю даже того, что Захаров остался жив, но профессору специально соврали, будто он умер, чтобы не донимал кассациями. Они, видимо, боялись, что такой настойчивый человек рано или поздно сможет добиться пересмотра дела и освобождения своего ученика,

и тогда у кое-кого из следственных структур, из суда и прокуратуры могли бы начаться определенные проблемы.

– Это фа-акт! По таким поганцам тюрьма давно уже плачет! – Крячко со злостью вогнал вилку в бифштекс, словно именно он был его злейшим врагом. – Знаешь, Лева, если разобратся, у нас не так уж и редко, ни за что, ни про что, гибнут талантливые люди, которые... Ну, которые могли бы создать много чего хорошего. Мы вон до сих пор даже сотовые покупаем за «бугром». Такие головы надо бы всячески оберегать, как это было при Союзе. В те времена им даже специальную охрану выделяли. А сейчас любого изобретателя и конструктора может выследить и убить какой-нибудь криминальный урод. Причем просто так, чтобы забрать из кармана горсть мелочи.

Гуров на это лишь чуть пожал плечами и саркастично прокомментировал:

– Видишь ли, Стас, всякий талант являет собой живой вызов всевозможной бездарности. И беда, если эта бездарность находится при должности, при чине и располагает большими полномочиями. Зависть бездарности к таланту – это страшная сила. А еще у нас есть такая беда, как быдлярское преклонение, в том числе и самых разных чинуш, перед границей. Многие «шишки» свято уверены в том, что у нас талантов не может быть заведомо, так сказать, «по определению». Вроде того, если они и существуют, то такое возможно только где-то за «бугром». Такая ущербная психология погубила у нас уже очень многое. И, мне кажется, еще много чего, к сожалению, погубит. Правда, это и за границей частенько бывает. Кто разработал самые известные изобретения Эдисона? Некто Сван. А о нем многие знают? Кто создал самые красивые и надежные авто? Шотландец Бьюик, который умер в нищете... Ну что, идем в «контору»?

– Идем. Мы сейчас к Петрухе? – поднимаясь из-за стола, уточнил Станислав.

– Да, надо бы зайти. И планы сверить, и решить вопрос с алмазами из вещдоков для исследования в НИИ. Уж коль пообещал, слово держать надо: опер сказал – опер сделал!

Когда приятели вошли в кабинет к Орлову, тот с кем-то бурно общался по телефону, с усталым всетерпением втолковывая своему собеседнику:

– Расследование идет полным ходом, им занимаются лучшие кадры Главка, и я думаю, очень скоро они смогут ответить на все поставленные вами вопросы... – Судя по всему, его собеседник обладал серьезными возможностями нагадить любому, да еще и испортить жизнь очень многим людям. – Простите, что вы говорите? А-а-а! На чем основывается моя уверенность? На жизненном опыте и знании людей. Этих оперов я знаю уже больше двадцати лет, на их счету десятки самых трудных и запутанных дел, которые они блестяще раскрыли... Да! Я в этом твердо уверен! Да, это дело будет раскрыто. Да, гарантия – сто процентов!

Положив трубку, Петр достал платок и вытер пот со лба. Поздоровавшись, он пояснил:

– Пошлет же судьба тупого идиота, мнящего себя авторитетом в криминалистике! Бывший никчемный следак стал депутатом Госдумы и, как член комитета по законодательству, надумал поучить нас тому, как раскрывать преступления. Ему, видите ли, кто-то из его нынешних «коллег» сообщил, что Главк, занимающийся делом о синтетических алмазах, отдал его расследование каким-то двум бездарям, которые никогда ничего не находили. Вроде того, дело надо немедленно передать другим сотрудникам. И даже угрожать надумал! Объявил, что поставит вопрос перед своим комитетом о соответствии нашего Главка возлагаемым на него надеждам.

– А как его фамилия? – мотнул головой Стас.

– Некто Фанфурув... – Орлов презрительно поморщился и издал короткий, язвительный смешок.

– Фанфурув? – переспросил Лев, положив ногу на ногу. – Уж не тот ли это Фанфурув, который года три назад попался на получении взятки за то, что увел от ответственности бога-

тенького «Буратино», который, на пару со своим приятелем, директором детдома, занимался растлением малолетних?

– Точно! – Петр хлопнул ладонью по столу. – Он! А я-то думаю, откуда мне эта фамилия знакома?! Во-он оно что! Значит, за взятку вылетел с работы, пошел в политику и – нате вам: он теперь «слуга народа»! О времена! О нравы!.. Ну, теперь если еще раз позвонит, я его быстро поставлю на место.

– А может, не стоит? – что-то явно задумав, спросил Гуров.

– В смысле? – насторожился Орлов. – Это почему же не стоит?!

Потерев лоб, Лев пояснил, что, по его мнению, Фанфуrows звонил не просто так. Видимо, те «акулы» криминального бизнеса, что стоят за аферой с искусственными алмазами, запаниковали не на шутку. Боясь, что им придется отвечать перед судом, они решили развалить это дело еще на стадии следствия. А «ху есть ху» в составе депутатов и кого купить проще простого – им хорошо известно...

Слушая Гурова, Петр со вздохом согласно помотал головой и, стиснув меж собой кулаки, продолжил его мысль:

– Да-а! Ты прав. Надо думать, это был не просто личный демарш демагога и пустобреха, а чей-то очень серьезный заказ. Криминалитет искал и нашел человека, который за деньги и мать родную продаст, в лице... вернее, в рыле этого Фанфуrowа. Все верно! Его задача – вынудить меня отстранить вас от дела, передать его кому-то другому, с кем у них есть надежда договориться. Ну, а после этого – тут уже яснее ясного! – похоронить дело им труда уже не составит. Тем более при таких связях в нашей представительной и всякой другой власти.

– А поэтому, мин херц Петр Николаевич, – многозначительно улыбнулся Лев, – тебе придется, грубо говоря, попридуриваться, строя из себя недалекого профана, который крайне возмущен нашей со Стасом работой в плане темпов ее выполнения и качества. Ругай нас почаще, грози отстранить «не сегодня, так завтра», объявляй выговора, в общем, тяни время. Пусть у «акул» создастся иллюзия, что у нас ничего не получится. А мы тем временем, как говорится, под шумок, все и раскрутим.

Выслушав Гурова, Петр некоторое время о чем-то думал, после чего проворчал:

– Да, с тобой трудно не согласиться. Хорошо, подыграю этому обормоту и всей той криминальной камарилье, которая им рулит из тени. Пусть думают, будто мы идем по ложному следу. Кстати, коль уж мы решили поводить их за нос, то достоверности ради нужно продумать своего рода «операцию прикрытия». Как считаете?

– Хорошая мысль! – одобрительно кивнул Стас. – Можно пару человек из тех, кто посвободнее, как бы прикрепить к нам, и пусть они порыскают в Троицке, Сестрорецке, Новосибирске, на предприятиях, которые производят искусственные алмазы. Вроде того, мы подозреваем вероятность хищения тамошней продукции в особо крупных размерах. Думаю, на это клюнут и Фанфуrows, и те, что стоят за ним...

– А что? Интересная идея! – охотно согласился Орлов. – Надо попробовать. Кстати, вчера майор Дорохов закончил дело об убийстве пенсионерами «черного» риелтора. Можно будет задействовать его – пусть развивает бурную деятельность на пустом месте. В подмогу ему дам капитана Наливаева. Он тоже сейчас не слишком занят. Устраивает такой дуэт? Пусть они будут «фасадом» расследования, а вы как бы сбоку припеку...

– Слушай, Петро, а что это за убийство, про которое ты сейчас упомянул? – изобразил какой-то неопределенный жест Крячко.

– Да, кстати, я тоже об этом ничего не слышал! – развел руками Гуров. – Ты сказал о пенсионерах, убивших «черного» риелтора? А ты не оговорился? Может, Дорохов расследовал убийство пенсионера «черными» риелторами? А?

– Нет, Лева, – покачав головой, ответил Орлов, – я не оговорился. Именно пенсионеры убили типа, который незадолго до этого подозревался в убийстве их товарища, тоже пенсионера.

Как он рассказал далее, пару месяцев назад «черная» риелторская фирма мошенническим путем отняла у одинокого пенсионера его жилплощадь. Дабы он не надумал жаловаться, его вывезли за город, где застрелили, а тело облили бензином и сожгли. Полиция нашла убийцу и задержала его. Но суд счел доказательства его вины неубедительными и вернул дело на дорастведование. Однако с этим решением не согласились старые друзья потерпевшего. И прежде всего потому, что у них были, как они считали, неопровержимые доказательства вины риелтора. Их возмутил тот факт, что, заведомо зная о мафиозной сути риелторской фирмы, суд даже не вынес частного определения по поводу ее абсолютно незаконной деятельности.

Узнав о том, что предполагаемого убийцу пенсионера освободили прямо в зале суда, трое друзей потерпевшего решили его выследить и заставить написать признательные показания. Выследить негодяя им удалось, а вот разговор не сложился. Узнав о том, чего от него желают добиться трое стариков, он выхватил из кармана пистолет и рассмеялся им в лицо, заявив буквально следующее:

– Да, это я его грохнул и сжег! И ничуть об этом не жалею. Я и вас сейчас шлепну, и мне за это ничего не будет. А знаете почему? Потому что вы – никто, вы – пустое место, а я – король в этой жизни. Ну, с кого начать? Кого первого мочить?

Это было последнее, что он успел сказать. Один из пенсионеров, вовремя поняв, что этот мерзавец и в самом деле сейчас выстрелит, явил недюжинную реакцию и сноровку, обрушив на его голову молниеносный удар своей трости. Выронив пистолет, риелтор рухнул на землю. Когда старики поняли, что он убит, то решили никому об этом не рассказывать и поспешили разойтись по домам. Но если опера тамошнего райотдела «забуксовали» с расследованием, то спец из Главка, майор Дорохов, всего за три дня восстановил картину происшедшего и назвал подозреваемых в убийстве риелтора.

– Что-то мне подсказывает: отмотают сроки дедам – мама не горюй! Это ведь мафиозных риелторов сажать нельзя. А вот пенсионерам наш «самый гуманный и справедливый» запросто может отмотать на всю катушку, – сердито фыркнул Станислав. – Я знаю, что основа римского права – абсолютный приоритет закона: закон строг, но он – закон. Так, что ли, римляне говорили? Типа, пусть рухнет мир, но восторжествует закон. Но в наших нынешних реалиях закон, действующий избирательно, страшнее любого беззакония. Знаешь, Петро, к Дорохову я ничего плохого не имею, но... Пусть будет один Наливаев. Нам и его хватит.

– Ты это серьезно? – недоуменно спросил Орлов. – Что, в самом деле?! Тьфу ты, ешкин кот! Я, понимаешь ли, думал, что Дорохов для вас будет, можно сказать, находкой. А ты вон чего выдал на-гора: он не нужен. А почему? Из-за того, что быстро и успешно провел расследование? Из-за этого?

Саркастично усмехнувшись, Крячко собрался ответить, но его опередил Гуров:

– Знаешь, я тоже за одного Наливаева. Он парень добросовестный, старательный, и при этом не карьерист. Вот это в нем и нравится больше всего. А Дорохов... Он способный, он далеко пойдет. Но не с нами. У нас свои представления об этике сыска, о том, что уместно, а что недопустимо в нашей работе.

Выслушав его, Петр всплеснул руками:

– И ты туда же! Черт подери, да чем он вам не угодил-то?!

– А ты не мог бы по памяти процитировать сделанное им заключение по существу происшедшего между стариками и риелтором? – жестко прищурился Лев.

Поймав его взгляд, Орлов отчего-то несколько замялся и конфузливо пожал плечами:

– Ну-у... Он сделал вывод, что убийство произошло по предварительному сговору... Лева, что ты на меня так смотришь? Если разобраться, то это же так и было! Старики вели

за потерпевшим слежку, остановили его в заранее присмотренном месте, пришли туда не с пустыми руками. Да, у него было оружие, но ведь еще не факт, что он собирался реально открыть по ним огонь. Поэтому с выводами Дорохова трудно не согласиться: удар по голове потерпевшего был нанесен скорее всего не из-за того, что жизни этих троих что-то угрожало, а из-за неприязни и чувства мести... Ну, ну, ну! Не надо так бурно реагировать, не надо! Вы придерживаетесь другой точки зрения?

Измерив его взглядом, в котором сквозил откровенный холодок, Станислав насмешливо обронил:

– Забронзовел ты, Петруха, забронзове-ел... Во всяком случае, в данный момент перед собой я не вижу своего старого друга и товарища Петра Орлова. Я вижу некоего господина генерал-лейтенанта, у которого в мозгах завелись какие-то нехорошие тараканы. Чую, трудно нам с тобой будет работать. Как считаешь? – вопросительно взглянул он на Льва.

– Да, твой диагноз считаю вполне резонным – налицо первые симптомы так называемой «бронзовой болезни», – сокрушенно покачал головой Гуров. – Мне так думается, сегодня у нашего Петра был задушевный разговор с кем-то из министерских чинов. Причем не просто разговор, а обсуждалось некое лестное предложение. И вот он, дабы создать о себе хорошее впечатление, решил малость подмаститься под «правильного» бюрократа. Я угадал?

Судя по всему, своим суждением он попал, что называется, «в яблочко». Издав сконфуженное «гм-м-м...», Орлов попытался что-то сказать, но Лев, не дав ему открыть рта, продолжил:

– Знаешь, что меня удивило больше всего? Ты же сам только что возмущался бездельником и кретином Фанфуриным, который брался поучать тебя по части сыска, а теперь разводишь бюрократическую демагогию того же пошиба, что и он.

– Мужики, вы чего взъерепенились?! – не выдержав, вспылил Орлов. – Что за ахинею вы несете? Какую-то «бронзовую болезнь» у меня обнаружили, в бюрократы записали... В чем дело?!

Саркастично рассмеявшись, Крячко поднял руку и, двигая ею вправо-влево, пощелкал пальцами, как это делают психиатры при обследовании своих пациентов.

– А дело, Петя, в таком ма-а-а-леньком «пустячке», который именуется справедливостью. Не слышал об этом? И ты оказался одним из тех, кто этот «пустячок» проигнорировал. Сначала некое низовое звено нашей службы как бы не заметило гнуснейшего по своей сути преступления – ограбления бедолаги-пенсионера отморозками-риелторами, у которого они отняли жилье. А далее было вообще нечто из ряда вон выходящее: его зверски убили, а тело сожгли, чтобы замести следы. Но и этого никто «не заметил»! А потом уже другое, более высокое по рангу звено успешно разоблачило «банду пенсионеров-убийц», которые – о, ужас!!! – злонамеренно лишили жизни «невинного агнца-риелтора», «белого и пушистого». И вот тут-то наш закон надумал восторжествовать, к чему и ты, Петя, усердно прикладываешь свою генеральскую руку.

Уши Орлова заметно покраснели, он нервно закашлялся и уже несколько растерянно спросил:

– Ну... А как бы вы поступили на месте Дорохова?

Словно учитель, объясняющий бестолковому ученику таблицу умножения, Гуров заговорил четко и предельно внятно:

– Мы бы первым делом нашли неопровержимые доказательства незаконной, мошеннической деятельности риелторской фирмы и добились бы задержания всего ее состава. А потом бы взялись за ее «крышу», в том числе и в нашем ведомстве. Ну, а на «десерт» доказали бы, что старики были вынуждены защищаться от зарвавшегося ублюдка, и его смерть – единственное, что предотвратило намечавшееся им тройное убийство. Петро, я тобой жутко разочарован. Мы со Стасом планировали обсудить похожую ситуацию в контексте дела о синтетических алмазах.

Но теперь сомневаюсь, что это стоит делать. Если считаешь, что мы нарушили субординацию, можешь прямо сейчас поставить вопрос о нашем увольнении. Ты как? – взглянул он на Стаса.

– Полностью солидарен! – кивнул Крячко и поднялся. – Пошли к себе. Рабочий день уже к концу? Отлично! Ровно в семнадцать ноль-ноль мы покинем эту богадельню. Чао!

– Будь! – Тоже поднявшись с кресла, Лев, не глядя, коротко махнул рукой и направился к выходу.

– Это!.. Мужики! Ну, вы, хорош чудить! Что за ерунда? – вскочив на ноги, растерянно пробормотал Орлов. – Что за детский сад?!!

Но те, никак не отреагировав на его выпад, вышли из кабинета. Когда за операми закрылась дверь, Петр медленно опустился в кресло и отрывисто ударил кулаком по столу. Взглянув на телефон прямой связи с министерством, он беззвучно изобразил плевков в его сторону и, снова поднявшись, тоже шагнул к двери.

Когда генерал вошел в кабинет Гурова и Крячко, те сидели перед мониторами своих компьютеров, что-то негромко обсуждая. Закрыв дверь, Орлов некоторое время стоял молча, потом прошелся взад-вперед и, остановившись, сердито произнес:

– Так, мужики, чую, нам надо серьезно поговорить. Я так понял, вы решили, что я переродился, стал махровым бюрократам, которому такое понятие, как справедливость, до фонаря и по барабану. Хочу внести ясность... Да, Лева, ты был прав. У меня и в самом деле состоялся приватный разговор с одним из наших министерских тузов. Да, да, тем самым, который нас очень «любит». Он мне позвонил и с ходу уведомил о том, что нашей работой у них не очень довольны, в том числе и САМ. Ну, да это – мелочи. Главное – другое. Вы в курсе, что госбюджет на будущий год будет дефицитным, причем по всем статьям, в том числе и по финансированию силовых структур? Знаете об этом?

– В общих чертах... – нейтральным тоном ответил Лев, оторвавшись от монитора и взглянув на Орлова.

– Ну, что ж... Конкретизирую. Нам урезают премиальный фонд, урезают финансирование транспортных расходов, финансирование специальных исследований, нам урезают штат по части ряда специалистов. Например, информотдел сократится вдвое. Теперь там останется всего три сотрудника. Как они будут управляться с кругом своих задач – я не знаю. Урезают экспертов-криминалистов. Было шестеро, теперь останется четверо. И так – по всем отделам. А это что означает? Наша «контора» будет кадрово обескровлена и вряд ли осилит в урезанном составе весь тот круг задач, которые мы призваны решать.

– Все это очень интересно, но какое имеет отношение к случаю с риелтором и пенсионерами? – оторвался от своего монитора и Стас.

– Самое прямое... – Орлов грустно усмехнулся. – Этого министерского деятеля очень заинтересовал ход расследования убийства риелтора. В общих чертах я ему изложил результаты расследования, проведенного Дороховым. Кстати, высказал и свои замечания, которые мало чем отличались от ваших. В ответ получил достаточно толстый намек на то, что целый ряд весьма высоких руководителей был бы заинтересован в том, чтобы выводы Дорохова остались без изменений. И если это произойдет, то будет сделано все возможное, чтобы наши потери – и финансовые, и кадровые – были минимизированы. Ну, вот и пришлось «прислушаться к мнению старшего товарища» – принять его точку зрения как свою собственную. Да, сознаю, что это меня не красит. Но допустить развал Главка, как ведущего подразделения нашего министерства, для себя я счел недопустимым. Вот такая хреновина с морковиной...

В кабинете на какое-то время повисла тягостная тишина, которую нарушил Гуров:

– Я могу тебя понять, но тогда у меня возникает ряд вопросов. Идя на компромисс с замаскированным беззаконием, мы тем самым его только усиливаем. Вправе ли мы идти на такие шаги даже ради благополучия нашей «конторы»? И второе. Согласившись с точкой зрения Дорохова, не переводим ли мы всю нашу работу в русло соглашательства с криминалом и

работы не по закону, а по воровским «понятиям»? Как далеко могут зайти наши компромиссы с криминальными негодьями, пусть даже они носят генеральские погоны?

– Лева, к сожалению, наш реальный мир крайне несовершенен, и нам ежедневно приходится выбирать между «по закону» и «по понятиям». Помните громкое дело в Подмоскovie, когда сотрудники одного очень сурового ведомства были пойманы на «крышевании» подпольных казино? Согласно букве закона, уволить и посадить следовало чуть ли не половину этого ведомства. Но тогда оголился бы немалый участок работы. Поэтому им вlepили по выговору, и они остались на своих постах. Мужики, поверьте на слово: мне самому все это мерзко и отвратительно. Но... Такая уж у меня работа – маневрировать между Сциллой закона и Харибдой беззакония. Я постараюсь в ближайшее время изыскать какие-то окольные варианты, чтобы та хитрая риелторская шарашка в любом случае свое получила – даю слово! Ну, а теперь давайте, выкладывайте про тот случай, о котором хотели мне рассказать.

– Присаживайся... – указал Станислав на свободный стул. – Суть вопроса такова. В Институте минералогии я узнал о человеке, который запросто мог бы оказаться тем умельцем, который стряпает отличные синтетические алмазы. Но его лет десять назад посадили по предвзятому обвинению, а на зоне вроде бы убили...

Крячко подробно рассказал историю Владимира Захарова, которая Орлова очень заинтересовала. Потерев лоб, он поднялся со стула и, снова пройдясь по кабинету, задумчиво резюмировал:

– Да, похоже, что этот Владимир Захаров именно тот человек, который нам нужен. Сегодня же затребую его дело и попробую раздобыть хоть какую-то информацию о его судьбе.

Когда Орлов с задумчивым видом вышел от оперов, Лев негромко обронил:

– Слушай, не слишком ли резко мы отреагировали там, у него в кабинете? Ему ведь иной раз и в самом деле достается через край...

– Ничего, Лева, это полезно. И нам с тобой полезно «получать кренделей», когда Петро нас, бывает, «пилит» по делу. И ему полезно, когда мы с тобой слегка приземляем его генеральские настроения.

Слушая спич приятеля о пользе «получения кренделей», Гуров невольно рассмеялся:

– Ну, добро! Пусть будет так. Я вот что сейчас подумал... Если разобраться, то до вечера еще далеко. Есть время сгонять в Болотово к Арсению Лобуху и выяснить, что он за фрукт. У меня имеются серьезные подозрения, что один из сгоревших в «Форде» – это он и есть.

– Чур, я еду! – Поспешно вскочил с места Крячко.

– Ну, неопередимый ты наш! Любишь разъездные дела... – чуть иронично констатировал Лев, безнадежно махнув рукой. – Ну, хорошо... Ты, значит – ты. Тогда в довесок, может быть, доработаешь с Жандармовым, вернее, с теми, кто его знал? Насколько я помню, Болотово в той же стороне, что и Истра?

– В той, в той, – несколько скис Станислав. – Только смогу ли успеть сразу в два конца?

– Да я и не настаиваю! Это на тот случай, если вдруг появится возможность. Не появится – не заморачивайся. Так пойдет?

– Так – пойдет! – кивнул Стас и, изобразив указательным пальцем над собой нечто замысловатое, вышел из кабинета.

Вышел и Гуров, направляясь к криминалистам. Нужно было узнать предварительные результаты идентификации биологических проб, найденных на месте перестрелки. Но, как оказалось, специалистам лаборатории пока не удалось найти хоть чего-то похожего в своих базах данных. Начальник лаборатории, подполковник Цыганов, на вопрос Льва лишь огорченно развел руками:

– Работаем, Лев Иванович, – исследуем, сопоставляем, анализируем... Но что-то определенное сказать сможем не ранее чем дня через два-три. А генетическая «дактилоскопия» – и вовсе процесс долгий. Недели только через две дадим заключение по образцам крови. Сейчас

смогли выяснить лишь самые общие параметры: группу крови, резус-фактор, отчасти болезни, которыми страдали эти люди.

– Ну, и это неплохо! – Гуров изобразил оптимистичную улыбку, хотя на душе ощутимо скребли кошки.

– Хорошо. Тогда изложу то, что уже установлено. Итак, людей, пробы крови которых были взяты для исследования, мы обозначили условными «именами» – Икс, Игрек и Зет. Начнем с Икса. Группа крови у него вторая, резус – отрицательный, судя по специфическим антителам, несколько лет назад он перенес малярию. Скорее всего побывал где-то в тропиках. У Игрека группа крови первая, резус положительный, судя по наличию в крови повышенного содержания билирубина, у него проблемы с печенью. У Зет – третья группа, резус отрицательный. Не так давно лечился от сифилиса. Видимо, большой поклонник секса с представительницами «группы риска». Кроме того, у всех троих в крови следы каннабиатов. То есть парни из числа любителей «забить косячок» с марихуаной. Что еще? А! У Икса – повышенное содержание сахара, что говорит о начальной стадии сахарного диабета. Вот, пока и все... Уж извините, что так мало.

Но Лев был доволен и этим результатом.

– Ничего, это уже может послужить какой-то зацепкой. Случись, появятся подозреваемые, для их идентификации эти данные пригодятся.

Выйдя из лаборатории, он отправился к информационщикам – как их иногда именовал Орлов, «те, что всё знают». Гуров решил выяснить состояние Федора Шуркина – пришел ли он в себя и позволят ли врачи хотя бы недолго с ним пообщаться. Начальник информационного отдела Жаворонков оказался на месте. Он быстро разыскал нужные телефоны и связался с больницей в Королеве, где лежал пенсионер Шуркин. Как сообщил лечащий врач, старик уже несколько оправился, и он мог бы разрешить минут пять общения со своим пациентом.

Не теряя времени, Гуров тут же отправился в Королев. Двигаясь в плотном потоке машин, он непрерывно думал и думал о расследуемом деле, по сути «на автопилоте» минуя перекрестки и транспортные развязки. Лев уже не раз замечал за собой такую особенность – полный, без остатка, уход в решение той или иной проблемы и непрерывное перемалывание в сознании уже имеющихся фактов, аналогий, личных и чьих-то наблюдений. Порой это происходило с ним даже во сне. Для него любое расследование было чем-то сродни сложной шахматной партии. И он всегда пытался осмыслить, понять внутреннюю логику выпавшей ему очередной криминальной шарады.

Увидев перед одним из перекрестков что-то наподобие батальной сцены, Лев был вынужден остановиться. Как явствовало из развивающейся прямо на проезжей части скандальной ситуации, молодой торопыга на синей «Мицубиши» «подрезал» пожилого водителя на зеленой «четверке». Тот, не успев среагировать на опасный (к тому же дурацкий) маневр юнца, своим бампером поцарапал ему заднее крыло. А тот, как видно, привыкший всегда и всюду «качать права», причем, скорее всего, совершенно безнаказанно, ринулся выяснять отношения с хозяином пикапа. Выскочив из кабины своего авто с бейсбольной битой в руках, парень угрожающе размахивал этой американской дубиной, чего-то требуя от своего «оппонента». Тот, судя по его жестикуляции, пытался достучаться до бараньего сознания автохама, объясняя тому, что он сам виноват в происшедшем.

Поняв, что эта разборка надолго, Гуров вышел из машины и решительно зашагал к месту спонтанной разборки. Теперь он слышал, что именно выдает на-гора не в меру расходившийся сопляк:

– Да я тебя, старого козла, тут же, прямо сейчас в асфальт урою и закатаю, и мне ничего не будет! Ты знаешь, кто мой пахан? Да тебя, пидора, сегодня же поставят на такие бабки, что и правнукам хватит платить!

– Молодой человек, прекратите хамить! Это ваша прямая вина! – как видно, не желая обострять конфликт с этим ничтожеством, примирительно уговаривал хозяин «четверки», как определил Гуров, скорее всего, то ли учитель-трудовик, то ли почтальон. – Давайте вызовем ГАИ, пусть они разберутся.

– Заткнись, чмо! – в упоении своей самостью не унимался тот. – С тебя тысяча баксов! Понял? Ты...

Что он хотел сказать дальше, для зрителей осталось неизвестным, поскольку подошедший к нему высокий, плечистый мужчина без каких-либо церемоний схватил наглеца за ухо, из-за чего тот визгливо взвыл и безуспешно попытался вырваться. Однако хватка незнакомца оказалась железной. Он так стиснул крепкими пальцами ушную раковину, что у хозяина «Мицубиши» от боли из глаз брызнули слезы. До него вдруг дошло, что такое «больно», чего он, видимо, еще никогда не испытывал. Он вдруг осознал, что есть такие люди – сильные и жесткие, которые и его «всемогущему» папочке, пожалуй, не по зубам. А еще он понял очень простую истину: не стоит «лезть в бутылку», если не знаешь, как потом из нее будешь выбираться.

Чуть ослабив нажим, Гуров сурово поинтересовался:

– Опамятовался? А теперь извинись перед человеком! Живо!

Поскольку юнец медлил, железные пальцы снова стиснули его ухо. Издав очередной взвизг, автохам поспешил скороговоркой протараторить:

– Из... Извините, я... Я больше не буду-у-у!

– Вот это уже лучше... – кивнул Лев и, за ухо подведя его к «Мицубиши», непререкаемым тоном распорядился: – Сел в свою жестянку и немедленно смылся отсюда! Время пошло!

Прыгнув за руль, юнец злобным волчком покосился в его сторону и, дав газу, покатил прочь, на ходу о чем-то тараторя по дорожному телефону в корпусе цвета золота.

Вернувшись к своему «Пежо», Гуров поехал в сторону Королева, продолжая размышлять о сложностях выпавшего им со Стасом расследования. Сейчас у них идет процесс первичного накопления информации, поэтому важен каждый, самый вроде бы малозначащий факт. Постепенно из больших и малых фактов будет выстраиваться мозаика реальной картины случившегося. И тогда они смогут установить доподлинно точно: кто, когда и как именно совершил то, что на языке закона именуется преступлением. Смогут расставить все точки над «i», назвать поименно всех фигурантов и определить роль каждого из них. Но как же много для этого предстоит сделать!

Лечащий врач, проводив Льва в палату отделения реанимации, где под капельницей лежал пожилой мужчина с отрешенно-рассеянным взглядом, заранее предупредил, что время их беседы ограничено пятью минутами, причем каких-либо травмирующих психику вопросов задавать нельзя. Сидевшая на табуретке рядом с больным пожилая женщина в накинутом на плечи белом халате встретила визитера неодобрительным взглядом. Лишь взглянув на нее, Гуров сразу же догадался, что это жена Шуркина.

Вежливо поздоровавшись, он положил на прикроватную тумбочку заранее купленный пакет с апельсинами и, повернувшись к врачу, произнес:

– При инсульте это полезно. Я прав? Вот и доктор говорит то же самое. Позвольте представиться: меня зовут Лев Иванович Гуров, я работаю в угрозыске, но сразу же хочу заверить, что к Федору Максимовичу у нас абсолютно никаких претензий нет. Нет, нет, нет! А я пришел сюда лишь потому, что хотел бы услышать личное мнение Федора Максимовича о том гражданине, который оформил на него свою машину. Нас интересует только тот человек. Вас, простите, как величают? – вопросительно взглянул он на женщину.

– Клавдия Викторовна... – не очень охотно ответила та. – А он что, чего-то натворил, набедокурил?

– Видите ли, Клавдия Викторовна, у нас есть подозрения, что этот человек мог погибнуть. Нами был обнаружен автомобиль «Ситроен» зеленого цвета в одном из лесов Подмосковья...

– О том, что в обнаруженной там же сгоревшей машине были найдены обгоревшие, все еще не опознанные трупы, он говорить не стал. – Мы пробили это авто по базам данных, установили, кто владелец, кто пользователь. А теперь пытаемся разобраться: почему новенькая иномарка была брошена в лесу и где тот человек, который на ней туда приехал? Вот, собственно, и все. Того человека звали, случайно, не Арсений Лобух?

Часто-часто закивав, женщина подтвердила:

– Да, да, Арсений. А фамилию не запомнила. Федя, ты нас хорошо слышишь? У Сени фамилия была Лобух?

Не открывая глаз, Шуркин чуть заметно утвердительно кивнул и, с трудом произнося слова, спросил:

– Что с Сеней?

– Этого мы пока не знаем. Возможно, машина у него была угнана, а он сейчас где-нибудь в командировке, поэтому сам не в курсе происходящего. У меня к вам обоим вопрос об Арсении: он мягкий человек или жесткий? Щедрый или прижи... Вернее, экономный? Что о нем могли бы рассказать в общем и целом?

Женщина, пожав плечами, сказала, что с Лобухом встречалась всего несколько раз, но и этого хватило, чтобы он оставил о себе весьма позитивное впечатление. На ее взгляд, человек он был нежадный, сговорчивый, предупредительный. Как-то на их адрес пришло уведомление от операторов камер видеofиксации нарушений ПДД о наложении штрафа на владельца «Ситроена» за неправильный проезд перекрестка. Клавдия Викторовна позвонила Арсению, и он вскоре примчался в Королев, извинился за доставленное беспокойство, забрал уведомление и, судя по всему, тут же оплатил штраф.

– Насчет этого он очень аккуратный. Приходит извещение из налоговой на оплату налога за автотранспорт – он уже тут как тут. И никогда не придет с пустыми руками. Обязательно привезет каких-нибудь гостинцев. Да-а-а...

– А кого-то из его друзей вы не знаете? Может быть, они в курсе дела, где он сейчас может быть?

– Ну, мы одного только Лешу Данилеева и знали, – сокрушенно вздохнула женщина. – Он нас с Сеней и познакомил. Ну, сейчас-то его уже нет в живых – этой весной умер от укуса клеща. Ой, как жаль! Поехал по грибы в сторону Истры, там клещ его и подкараулил. Леша грибник был первостатейный, любой гриб мог определить с первого взгляда. Собирал их с весны до поздней осени.

– А разве весной грибы растут? – Прекрасно осведомленный о грибах, Гуров изобразил удивление. – Я, вообще, грибник никакой...

– Конечно, растут! – воодушевилась Клавдия Викторовна. – И строчки-сморчки, и коллибия весенняя, и майский гриб, и... Да полно даже весной. У Леши в Истре, кстати, был один знакомый, так тот тоже грибник непревзойденный. Они с ним частенько по лесам на пару ходили. Но мы с ним не знакомы, нам о нем Леша заочно рассказывал.

Благоразумно умолчав о том, что грибник из Истры, вполне возможно, угрозыску уже знаком, Лев поинтересовался:

– Но, я так понимаю, походы за грибами были всего лишь увлечением Алексея, а так-то чем он занимался?

– Он был очень хорошим автомехаником. Любую рухлядь мог превратить в новенькую машину. У нас есть старенькая «тройка», так он, бывало, так ее наладит, так отрегулирует, что хоть на выставку! Сейчас уже и не знаем, к кому обратиться. Да и до машины ли теперь, после того, что с Федором Максимовичем случилось? Видно, придется продавать... Как-то, помню, он к нам приехал, наладил мотор, а потом как бы в шутку спросил: «Дядь Федь, а стать

хозяином иномарки не хотите?» И тут же разъяснил, что к чему. Вроде на его друга, у которого свой бизнес, наезжают «крутые», хотят, чтобы он платил им дань. Но он отказывается, и они за это у него уже две машины сожгли. Арсений хочет купить уже третью – ему без машины никак нельзя, но оформить собирается на стороннего человека, чтобы хотя бы эту не трогали. Мы подумали и согласились. Вот так с Сеней и познакомились...

В этот момент подал голос лечащий врач, который считал, что общение и так слишком уж затянулось, но старики запротестовали:

– Нет, нет, пусть Лев Иванович останется! Он хочет помочь другу нашей семьи, поэтому мы готовы с ним говорить и дальше!

По словам четы Шуркиных, Арсений с самого начала предложил оплату за то, что Федор Максимович является формальным хозяином «Ситроена», но они отказались. И тогда Лобух подарил Клавдии Викторовне золотые серьги с крупными бриллиантами.

– Я их не ношу – боюсь надевать, – смущенно призналась женщина. – Вдруг отнимут какие-нибудь гопники? Лев Иванович, а вы Сеню разыщете?

– Для этого и работаем... – скромно улыбнулся Гуров.

Из дальнейшего разговора с Шуркиными он узнал, что новость о смерти Данилеева старики получили чисто случайно, созвонившись с СТО, где тот работал. С какого-то момента телефон Алексея перестал отвечать, и обеспокоенные супруги позвонили ему на работу. Известие о том, что Данилеев умер предположительно от укуса клеща, к тому же уже и похоронен, для стариков стало шоком. А теперь вот еще и неизвестно, куда запропастился Арсений. Что, если и с ним стряслось что-то очень скверное?! Пообещав им сделать все возможное, чтобы в ближайшее время хоть что-то узнать о судьбе Лобуха, Лев оставил Шуркиным свою визитку и откланялся.

Выйдя на улицу, он немедленно созвонился с Крячко. Тот откликнулся почти сразу же, хотя по его голосу чувствовалось, что в данный момент он что-то жует.

– Да, Лева, что там у тебя? – спросил Стас.

– Уже ужинаешь? – насмешливо поинтересовался Лев, приблизительно догадываясь, где именно в данный момент может находиться его приятель.

Уловив в его голосе оттенок иронии, Станислав даже закашлялся:

– Гм-гм! Я? Да, решил немного подкрепиться. Видишь ли, я как бы... э-э-э, в гостях, вот... А ты что-то хотел сообщить?

– Да, Стас, есть такое намерение. Просто информация к размышлению. Как выяснилось из разговора со стариками Шуркиными, их знакомый Алексей Данилеев, который и свел Шуркиных с Лобухом, предположительно был знаком с Жандармовым.

Пару секунд в телефоне царил молчание. Наконец Крячко выдал:

– Охренеть! Да, Лева, интуиция у тебя феноменальная. Тогда, может быть, в том, что случилось с Данилеевым, никакой клещ и не виноват вовсе?

– Вот и я о том же... Так что пообщаться с теми, кто знал Жандармова, очень даже стоило бы... – избегая ноток назидательности, констатировал Гуров. – И последнее. Ты уж как-нибудь там не слишком увлекайся... Хорошо? Ну, я думаю, ты меня понял!

Сразу же после разговора со Стасом Лев созвонился с информационщиками. Он поручил им собрать максимум информации об автомеханике, работавшем в одном из СТО в Королеве, по имени Алексей Данилеев.

– Лев Иванович, как срочно это нужно? – пообещав сделать все возможное, уточнил Жаворонков.

– Ну, до завтра было бы желательно... Справитесь?

– Сделаем, Лев Иванович! – бодро пообещал майор.

– И еще, Валера... Как бы нам получить распечатку телефонных контактов Лобуха и Жандармова? Срочность – завтра, в течение дня. Осилите?

- Попробуем... – снова пообещал Жаворонков, но уже с некоторым сомнением в голосе.
- Валера, я понимаю, что вы сейчас и так заняты выше крыши. Но это очень нужно.

Постарайтесь!

- Поднажмем!.. – откликнулся тот.

Сунув телефон в карман, Гуров направился к парковке, оборудованной рядом с небольшим сквериком. Он решил заехать в Главк, обсудить там с Петром некоторые вопросы, возникшие после общения с Шуркиными, а потом уже ехать домой. Однако когда он подошел к своему «Пежо», то неожиданно услышал донесшееся сзади:

- Гражданин! Предъявите-ка документы!

Оглянувшись, Лев увидел полицейского в звании капитана, который в сопровождении двух сержантов неспешно шел в его сторону. Позади них с заносчиво-мстительной ухмылочкой шествовали уже знакомый Льву юнец и какой-то тип лет сорока пяти при усах и в дорогом костюме, с чванливо-высокомерной миной на обрюзгшей физиономии. Лишь взглянув на него, Гуров сразу же вспомнил – не так давно этого типа обсуждали на заседании городской Думы в связи с подозрениями о вымогательстве крупной взятки. Окинув капитана невозмутимым взглядом, он достал из кармана удостоверение и холодно представился:

- Полковник Гуров, Главное управление угрозыска.

Услышанное полицейских явно несколько огорошило. Поправив фуражку, капитан издал растерянное «гм!» и, оглянувшись в сторону усатого, укоризненно представился:

– Капитан Егарин, ОВД Клюквино. Товарищ полковник, к нам поступила жалоба на то, что владелец данного автомобиля «Пежо», то есть вы, применили рукоприкладство в отношении гражданина Кударышкина. Руководством ОВД мне поручено расследовать это происшествие, поэтому просил бы вас пояснить данный инцидент.

– Нет ничего проще! – чуть пожал плечами Лев. – Данный гражданин на оживленном перекрестке сознательно учинил ДТП, подрезав другое транспортное средство. Но вместо того чтобы, признав свою вину, принести извинения потерпевшему, он публично совершил агрессивные хулиганские действия с бейсбольной битой, угрожая убийством. Поэтому мне и пришлось вмешаться, чтобы не допустить реальной уголовщины... Я верно излагаю? – Он вновь взглянул на заметно скисших жалобщиков.

– Нет! – дернувшись, пискляво возразил юнец. – Это все неправда! И вообще, это тот мужик виноват! Но даже если я и нарушил ПДД, то рвать меня за уши никто не давал права!

Снисходительно усмехнувшись, Гуров кивнул головой в сторону машины и все так же невозмутимо поинтересовался:

– Может быть, прямо сейчас посмотрим запись видеорегистратора? Там все есть – и изображение, и звук. И мы сейчас послушаем, как некто излишне «крутой» угрожает человеку, годящемуся ему в отцы, а то и в дедушки, «урить и закатать в асфальт». То есть жестоко расправиться и даже убить. Ну, а вы, господин Кударышкин-старший, что на это скажете? Вы же здесь не просто так? Вы же прибыли со своим отпрыском для того, чтобы при помощи полиции разделаться с тем, кто впервые в юной жизни вашего сынка выполнил вашу отцовскую работу – надрал ему уши за свинское поведение? Хотя, вполне вероятно, подобные его выходки вы одобряете, а может, даже поощряете?

– Вы напрасно язвите, господин полковник! – топорща усы, огрызнулся тот. – Если мой сын умеет постоять за себя, то это не означает, что у вас появляется право применять к нему жесткое физическое воздействие, причиняющее сильную боль, что можно смело приравнять к пыткам. Имейте в виду, что сейчас не тридцать седьмой, эпоха всевластия и произвола НКВД! Я завтра же поставлю вопрос о ваших действиях на пленарном заседании городской Думы!

– Ах, да! Вы же все еще депутат! Знаю, знаю, знаю... Вчера прошла информация о закрытом заседании Гордумы, где вы фигурировали в качестве «именинника». Если СМИ не врут, с вас же, кажется, едва не сняли депутатскую неприкосновенность в связи с обвинением в полу-

чений взятки? Но каким-то чудом не сняли. Просто жуть, как интересно: это кто ж так удачно подсуетился-то, чтобы спасти вас от следственных органов? Уж не депутат ли с Охотного ряда по фамилии Фанфуоров от партии «Народное счастье»? А?

На этот свой язвительный «спич», в котором сквозил откровенный сарказм, Лев ожидал достаточно агрессивной реакции. Но, к его удивлению, усатый, вместо того чтобы снова огрызнуться и выдать что-нибудь высокомерно-пренебрежительное, лишь ошарашенно захлопал глазами, как видно, не зная, что ответить, словно мелкий карманник, схваченный за руку.

«О-го-го! – отметил про себя Лев, глядя на внезапно побагровевшего папашу начинающего отморозка. – А этот-то типчик, бывший следак, оказывается, у Кударышкина в «корешах» – вот это прикол! Выходит, Фанфуоров уже и в городской Думе успел наследить, придя на выручку такому же, как и сам, хапуге? Прыткий, однако, «народный избранник»! Надо бы, выдастся время, поплотнее заняться этими «слугами народа». Ну, и чего ты завис? Уж гавкни хоть что-нибудь в ответ!»

Словно отвечая на его мысли, Кударышкин-старший наконец-то разродился ответным гневным выпадом:

– Не зарывайтесь, господин полковник! Слишком много на себя берете! Вот такие же, как и вы, устроили в отношении меня гнусную провокацию и состряпали ложные обвинения. Да, меня поддержал депутат Госдумы Фанфуоров Еремей Гаврилович! Он донес до членов комиссии городской Думы обеспокоенность международной общественности тем, что в России, усилиями наследников советской гэбни, вновь возрождаются порядки тридцать седьмого!..

Он набрал в грудь побольше воздуха, чтобы продолжить изливание своих эмоций, но его неожиданно перебил капитан:

– Вениамин Яковлевич, я так понял, чего-то конкретного инкриминировать товарищу полковнику вы не можете? А если согласиться с тем, что ваш сын и в самом деле совершил агрессивные хулиганские действия, угрожал убийством постороннему гражданину, то, будучи совершеннолетним, он теперь уже сам рискует оказаться фигурантом уголовного дела по статье двести тринадцать. Ну что? Мы, наверное, пойдем? Нам тут явно делать нечего. Вы же не хотите, господин депутат, чтобы я составил протокол о происшествии на пересечении улиц Памирской и Канатной, с изложением всего того, что вытворял там ваш сынок?

От услышанного Кударышкин на несколько мгновений словно онемел, но тут же вновь разразился потоком слов:

– Вот и подтверждение мудрости народной: ворон ворону глаз не выклюет! Я буду жаловаться! Я дойду до министра! Я этого так не оставлю!..

Сдержанно усмехнувшись, капитан козырнул Гурову и со словами: «Желаю здравствовать, товарищ полковник!» – направился восвояси.

Приложив руку к форменному кепи, следом за ним зашагали и сержанты, о чем-то на ходу со смехом негромко переговариваясь.

– И вам удачи! – пожелал им Лев и обернулся к Кударышкиным: – Ну, что, господа хорошие, встретимся в суде? Координаты потерпевшего у меня есть, свидетелей я записал, полная аудиовидеозапись происшествия имеется. Будем судиться?

Бросив на Гурова взгляд, полный бессильной ненависти, Кударышкин-старший зло процедил:

– Ничего... Земля, она, как известно, круглая. Как-нибудь еще встретимся!..

Круто развернувшись, он, не оглядываясь, зашагал прочь, в сторону большего, слоноподобного иноземного авто, припаркованного в самом конце автостоянки. Окончательно скисший юнец уныло потащился вслед за своим папашей.

Приехав в Главк, Гуров сразу направился к Орлову. Увидев Льва, вошедшего в его кабинет, генерал обрадованно отметил:

– Вовремя! А я уже собирался тебе звонить. Что у вас нового, как там дело движется?

– Пока только по-пластунски... – садясь в кресло, коротко махнул рукой Лев.

Он вкратце изложил итоги своего визита в Королев. Орлов выслушал его, не проронив ни слова, после чего задумчиво резюмировал:

– Ну, ты смотри, до чего тесен мир! Выходит, ты был прав: Жандармов во время перестрелки в лесу оказался не случайно. К тому же он скорее всего был знаком с Данилеевым. Только что нам это может дать? Их обоих уже нет, как, скорее всего, и участников перестрелки. Нити оборваны.

– Ну, как это – «что может дать»? У каждого из них были родственники, знакомые, которые гарантированно что-то могут знать. Завтра я буду иметь более-менее полную информацию о Данилееве. Начну отрабатывать все его связи и контакты. Вот и Стас сейчас чего-то должен накопать по Лобуху. Что-то где-то обязательно просочится...

– Хорошо бы! – Орлов мечтательно вздохнул. – Кстати, прислали мне дело Владимира Захарова. Да, шито оно белыми нитками, что ни довод обвинения, то – демагогия, притянутая за уши. А еще, что бросилось в глаза, его адвокат оказался или совершенно некомпетентным как юрист, или попросту продажной тварью. То, как он вел защиту, может говорить только о том, что он, по сути, сознательно «слил» своего подзащитного.

– И где же Захаров отбывал свой срок? – заинтересовался Гуров.

– Средневожская колония номер тридцать три. Назначили ему строгий режим, без права на УДО. Отбыл он там пять лет, пока не случилась массовая драка, в ходе которой Захаров был убит. Во всяком случае, как явствует из информации, присланной из ИТК, он умер на месте, вследствие прямого удара заточкой точно в сердце...

– М-да, похоже на тупик. Но вот странный случай, два года назад происшедший в Институте минералогии, как-то не вписывается в мозаику этой истории, – обронил Лев.

– Что за случай?! – мгновенно насторожился Орлов.

Положив ногу на ногу и покачивая носком туфли, Гуров поведал об их со Стасом визитах в научные учреждения, изучающие алмазы. Попутно сообщил и о том, что НИИ «Алмаз» хотел бы получить некоторую толику камешков-вещдоков для их углубленного изучения в своей лаборатории.

– Ну что, сможем людям пойти навстречу? Тем более что полученная ими информация может оказаться очень полезной для нашего расследования... – заключил он, завершая свое повествование.

– Ну, конкретно в этом русле выделить, конечно, сможем... – пообещал генерал, глядя в пространство и, как видно, думая о чем-то совсем другом. – Значит, в Институте минералогии был человек, чем-то похожий на Захарова? Занятный случай! А видеозапись посетителей у них ведется? Хотя... Вряд ли она могла бы храниться больше месяца – это в лучшем случае! А два года... Кто ее будет столько хранить? Но и с другой стороны... С той поры, как Захарова упрятали за решетку, прошло уже около десяти лет. Если все эти годы он провел в заключении, то внешне мог сильно измениться. Да, надежд мало на то, что он выжил и сейчас где-то на свободе. К сожалению, чудес не бывает... Но вы со Стасом, я так понял, все равно собираетесь работать в этом направлении?

– Разумеется! Попробуем разыскать Валерию – вдруг ей что-то известно? В ближайшее время рискнем встретиться с ее бывшим мужем... Надеюсь, о своей бывшей «половине» хоть какую-то информацию он даст? – Лев снова покачал ногой.

В этот момент входная дверь распахнулась, и в кабинет величественно шагнул Станислав Крячко.

– Что, не ждали?! – хохотнул он, подмигивая. – А я – вот он! Ну, Лева! Ну, ты и сдюга! Такую свиданку мне сегодня обломил... Такую женщину из-за тебя пришлось обмануть в ее самых лучших ожиданиях! Да-а-а! Видел бы ты ее лицо, когда я, помахав ручкой на прощание, покинул ее жилище... Даже небо, не выдержав, разразилось дождем.

– Там что, идет дождь? – обеспокоенно поинтересовался Орлов, взглянув в окно.

– Нет, в Златоглавой дождем и не пахнет, он прошел только в Болотово и его окрестностях... Кстати, очень даже живописный поселок. А какие там женщины! М-м-м... Как на подбор!

– Поня-а-а-тно... – покачал головой Лев.

– Что – «поня-а-а-тно»?!! – язвительно фыркнул Крячко. – Вот потому я тебя и назвал садюгой. Нет, ну надо же! Только все, так сказать, «срослось» и появилась четкая перспектива, говоря словами Некрасова, «дать жажде сердца утоление», как вдруг звонит Лева: «Але, але, тырым-пырым, бе-ме и кукареку». Ну и все! Кирдык горячке чувств, кирдык безумствованию сердец...

– Ты еще помнишь Некрасова? – изобразив недоуменный вид, всплеснул Лев руками.

– Ну, да! – Стас широко улыбнулся и ностальгически зажмурился. – Это была моя единственная пятерка по литературе за все годы школьной учебы. Как там? А! «Суров ты был, ты в молодые годы умел рассудку страсти подчинять. Учил ты жить... Э-э-э... Для славы, для свободы, но более учил ты умирать. М-м-м... Сознательно мирские наслаждения ты отвергал, ты чистоту хранил, ты жажде сердца не дал утоления; как женщину, ты родину любил...»

– Bravo, bravo, bravo! – Гуров иронично поаплодировал и изобразил жест, как бы смахивая слезу. – Очень, очень впечатляет. Но в большей степени хотелось бы услышать что-то по нашему делу. Что-то стоящее узнать удалось?

– Ну, конечно, на твердую пятерку эта информация не потянет, но как минимум тройку с плюсом заслуживает. В общем, получилось так...

Прибыв в Болотово – вполне благоустроенный коттеджный поселок, где реального болота не наблюдалось и близко, Стас начал искать улицу Кирпичную. И тут ему сразу повезло. Увидев женщину, которая занималась клумбами в палисаднике у одного из домов, он спросил у нее, как бы ему найти Кирпичную, двадцать. Та, недоуменно взглянув на Крячко, ответила вопросом на вопрос:

– Что, еще один двоюродный брат Сеньки Лобуха объявился?!

– Простите, а до меня их сколько приезжало? – поспешил уточнить Стас.

– Двое. Один больше часа назад был на «бэхе» – морда как воробьями поклеванная, другой – азиат какой-то, минут двадцать назад на «Ниве-Шевроле» приезжал. Ага! И оба – Сенькины «братья»...

– А если не секрет, о чем они расспрашивали?

– Да просто спросили, как найти Арсения и дома ли он сейчас. Ну, адрес я им назвала, но сказала, что вроде бы он пропал без вести. И один, и другой: «Ой-ей-ей!» – и куда-то укатили, так же, как и приехали, – один за другим. Вы-то ему каким братом доводиться?

– Нет, я не брат Арсения, я из уголовного розыска, – показал Стас удостоверение.

– О как! Ну, наконец-то им занялись! А то торгуют в его магазине всякой дрянью, на нашем здоровье деньги делают. Да! Люди говорили, что по московским магазинам он по дешевке скупает просрочку, подделывает срок годности и пускает в продажу.

– Ну да, насчет этого я и хотел бы с ним разобраться, – подтвердил Крячко. – Так как бы мне его найти?

– Да Кирпичная – вон она, там начинается... – указала женщина на следующий перекресток. – Только, говорят, его дома нет. Еще дня два назад куда-то уехал, и с концами. Эти двое, что братьями назвались, все допытывались – не знаю ли, куда он ездит? Ну, а я им и сказала: а я его что, пасу, что ль? Он может свалить куда угодно. Может застрять у какой-нибудь из своих любовниц. Их у нас тут в поселке сразу три. Да еще по соседним поселкам – воз и маленькая тележка.

– Досадно... – изобразил огорчение Крячко. – Ну, а дома-то у него сейчас кто-нибудь есть? Какие-нибудь домочадцы?

– Жена его, Верка, должна быть дома. Тоже еще та гусыня лапчатая. Но уж хоть о доме заботится, хоть свой бизнес делает без обмана.

– У нее есть свой бизнес? – заинтересовался Стас.

– Да, на дому делает всякие украшения из бисера, стразов... Насчет этого она и в самом деле мастерица – ее работу разбирают в момент. Тапочки, там, расшитые бисером, браслетики со стразами...

Поблагодарив женщину, Крячко продолжил свой путь и вскоре увидел окруженный зеленой просторный двухэтажный коттедж за высоким кирпичным ограждением. Нажав на кнопку звонка, Стас позвонил, и тут же на пороге возникла приятной наружности особа между тридцатью и сорока, которая с непонятым интересом воззрилась на нежданного визитера. Представившись, Станислав поинтересовался, как бы ему увидеть «гражданина Лобуха», на что та, назвавшись Верой, сообщила, что ее супруг в данный момент отсутствует, поскольку еще позавчера куда-то отправился, вроде бы за товаром, но до сих пор не вернулся. На вопрос о зеленом «Ситроене», она подтвердила, что эта машина у Арсения уже несколько лет. На ней он обычно ездил по каким-то своим делам, о чем ей никогда не рассказывал.

– Да и вообще, – поморщившись, дополнила Вера, – у каждого из нас своя личная жизнь, свой личный бизнес. Мы просто живем на одной жилплощади. О! Гляньте-ка, уже из-за каждого забора торчат любопытные морды. Как же всем интересно-то, кто и зачем сюда приехал?! Идемте, что ли, в дом, выпьем там чаю и поговорим без надзора этих «вертухаев-надомников»...

В доме, обставленном весьма небедно, их разговор продолжился. Отвечая на вопросы своего гостя, Вера сообщила, что к ней сегодня никто не приезжал и про Арсения не спрашивал. Это Стасу показалось странным – получалось так, что самоназванные «братья» ей почему-то показаться не желали. Уж не собираются ли они с какими-то нехорошими целями навесить этот дом, например, ночной порой? На его предупреждение хозяйка дома лишь беспечно улыбнулась:

– Мне бояться нечего. Ночью двор охраняет хорошо обученная немецкая овчарка, а я сама кандидат в мастера по пулевой стрельбе из пистолета. «Травмат» себе уже давно купила. Так что пусть только сунутся!

Узнав о том, что вчера машина Арсения была обнаружена в лесистой балке, в стороне Истры, причем пустая, Вера каких-либо особых эмоций не проявила. Не разрыдалась и услышав о том, что недалеко от «Ситроена» был найден дотла сгоревший «Форд» с двумя обгоревшими трупами в салоне.

– Ну, я ему уже не раз говорила, что не надо искать на свою жопу приключений. А он прямо-таки маниакально их искал. Вот и нашел. Сенька постоянно занимался какими-то темными делами. В прошлом году связался с какими-то «деловыми». Чем они промышляют – не знаю, это он скрывал. Но как-то раз я от него услышала, что еще года два, и он себе построит дворец с золотыми ванной и унитазом.

На вопрос Крячко о некой «Дю», назначившей «котику» встречу, Вера лишь пренебрежительно рассмеялась:

– Знаю я эту «Дю»... Это Валька Жугр, с Кленовой, эдакая травести, которой только мальчишек играть в детских спектаклях. Ей уже под тридцать, а она лет на четырнадцать выглядит – ни сисек, ни попы. Вот он и прозвал ее «Дюймовочкой», или, покороче, «Дю». Да я его к ней и не ревную, так же, как и ко всем остальным. Особенно если считать, что один из сгоревших Сенька и есть, то... ревновать тем более нелепо. Слушай, – резко переходя на «ты», неожиданно предложила Вера, – а давай помянем этих обгоревших бедолаг? А?

Подумав, Стас согласился, поскольку пилюли «Протрезвина» – спецсредства, позволяющего в кратчайшие сроки выйти из состояния опьянения, он всегда возил с собой. Выпили коньячку, закусили. Потом еще и еще... Темы разговора как-то сразу начали сворачивать на

всякую лирику, с каждой рюмкой становясь все «горячее и горячее». И когда меж собеседниками уже вполне ощутимо начала витать тема «А не почудить ли нам немного?» – вдруг раздался звонок Гурова. Само собой разумеется, желание «оторваться по полной» у Стаса тут же пропало безвозвратно.

Попрощавшись с донельзя разочарованной Верой, Крячко отправился на Кленовую, чтобы разыскать там Валентину Жугр. «Дюймовочка» была дома и крайне удивилась появлению сотрудника угрозыска. Впрочем, несколько был удивлен и Станислав. Дю оказалась куда привлекательнее, чем он себе представлял заочно со слов Веры. Большеглазая и хрупкая, она и в самом деле напоминала мультяшную Дюймовочку. Валентина рассказала, что последний раз видела Арсения два дня назад. Он заехал к ней уже после обеда, причем ненадолго, всего на полчаса. Заранее ожидая визита любовника, Валентина приготовила его любимый яблочный пирог, но Лобух ничего есть не стал, он хотел одну лишь свою Дю...

Затем Валентина припомнила, о чем они разговаривали с Арсением. Лобух человеком был довольно скрытным, поэтому никогда не рассказывал ей о своих делах. Но в этот раз он оказался весьма разговорчивым. Не углубляясь в детали, сообщил, что ему должны привезти новый, весьма необычный товар, который поможет ему стать невероятно богатым. В частности, объявил, что в течение всего пары лет надеется войти в список «Форбс».

Успел Стас побывать и в Истре. Он снова разыскал участкового Николая, с которым съездил к сожительнице Жандармова, в местных истринских бомж-кругах именованной Хиллари, хотя на самом деле ее звали Антониной. Та оказалась особой достаточно отзывчивой и, несмотря на мучивший ее похмельный синдром, пообщаться с визитерами согласилась. Ну, а после того, как Крячко купленным в соседнем магазине «фугасом» пива резко облегчил ее состояние, она не только ответила на все его вопросы, но и рассказала много чего дополнительно.

По словам Хиллари-Антонины, про Данилеева от Жандармова она была наслышана. Грибник-автомеханик и грибник-полубомж познакомились случайно года три назад. Жандармов, в очередной раз обходя свои грибные уголья, внезапно обнаружил какого-то постороннего типа, который вторгся в его владения и нахально вырезал грибопоголовье, в связи с чем высказал чужаку свои претензии. Тот, оказавшись человеком не скандальным, извинился перед завсегдатаем истринских лесов и даже изъявил желание отдать Прохору все, что уже успел найти.

Жандармов, пораженный его реакцией, в момент проникся к незнакомцу самым искренним дружелюбием и не только не взял у него грибов, но даже еще и показал несколько своих «коронных» мест, где можно было найти и подосиновик, и дубовик, и даже боровик... Виделись они редко, и только в лесу. Приезжая по грибы, Данилеев звонил Жандармову, что, мол, я прибыл, если что – присоединяйся. К слову сказать, Алексей, всякий раз отправляясь по грибы, обязательно брал с собой бутылку «беленькой» и хорошую закуску для угощения коллеги по грибной охоте. Случалось и наоборот. Обнаружив богатый урожай грибов, Прохор звонил своему новому приятелю – приезжай, грибов – хоть косою коси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.